

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

НИКОЛАЙ II

РАССТРЕЛЯННАЯ
КОРОНА

КНИГА 2

Александр Тамоников

**Николай II. Расстрелянная
корона. Книга 2**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Николай II. Расстрелянная корона. Книга 2 / А. А. Тамоников —
«Эксмо», 2015

Император Николай II – последний российский монарх, который своей трагической судьбой завершил великую эпоху российского самодержавия. Личность яркая, сильная, порой загадочная и противоречивая. В годы его правления Россия пережила едва ли не самые трудные, жестокие и страшные испытания за всю свою историю. Волевой, с феноменальной памятью, не теряющий самообладания даже в самые критические мгновения, император Николай II вместе с тем производил впечатление мягкого, порой застенчивого человека. Власть, данную ему, он нес как крест, как веление Бога, без ропота и уныния. Его отречение от престола до сих пор вызывает жаркие споры у политиков и историков, которые пытаются дать исчерпывающий ответ: что стало бы с Россией, со всеми нами, если бы последний император поступил иначе? Этот замечательный роман не претендует на истину в последней инстанции, но тем не менее помогает взглянуть на Николая Александровича Романова совсем с другой стороны и совсем другими глазами...

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Тамоников

Николай II. Расстрелянная корона. Книга 2

«Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит начинаниям их на малое время, но болезнь их обратит во главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля русская обAGRится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость Самодержавия его. Но не до конца прогневается Господь и не попустит до конца разрушиться земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского».

Из пророчеств преподобного Серафима Саровского

© Тамоников А., 2015

© ООО «Издательство «Приз», 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Амнистия освободила с поселения Федора Волкова. Бывший руководитель организации «Свобода и труд» Леонид Владимирович Якубовский вышел раньше, год назад. Он обосновался в Екатеринбурге и тут же примкнул к местному отделению партии социал-демократов. К нему-то и приехал Федор.

Вот и дом номер тридцать четыре. Двухэтажный, с узкими окнами и старой крышей. Рядом арка с воротами, которые не закрывались, наверное, лет десять, были перекошены и приткнулись к стенам, словно врытые.

Дворника не видать. Впрочем, он здесь совершенно не нужен. Бедный квартал. Кто и за что будет тут платить дворнику?

Волков поднялся на второй этаж и постучал. Дверь тут же открылась, и Волков увидел бывшего руководителя террористической организации, который стал его товарищем.

– Федор! – воскликнул Якубовский.

– Я, Леня. Не ждал?

– Сегодня нет. Здравствуй!

– Здорово!

Волков и Якубовский обнялись прямо на пороге. Потом Леонид провел гостя в комнату, где стояли две кровати, большой шкаф, комод, стол со стульями. Под ногами серые половики, на окнах дешевые занавески. Убого, но чисто. Якубовский следил за порядком в жилище. Волков понял, что вторая кровать поставлена для него.

Он сел на нее, прислонился спиной к прохладной стене.

– Хорошо!

– Как добрался? – спросил Якубовский.

– Последние гроши отдал за то, чтобы доехать сюда. Сейчас в кармане ни копейки.

– Ничего, у меня есть немного денег. На первое время хватит, а потом, Федор, придется поработать.

– Мы пойдем наниматься?..

– Я не говорил этого, сказал, придется поработать. А где и кем, узнаешь позже.

– Но не сегодня.

Якубовский улыбнулся и сказал:

– Сперва тебе надо сбросить груз кандалов, отвлечься, почувствовать вольницу, так?

– Совершенно верно.

– Я тоже через это прошел. Ты, наверное, голоден?

– Съел бы порося целиком и ведром водки запил.

– Ну, порося у меня нет, как и ведра водки, но есть борщ, картошка вареная, грибочки и пара бутылочек самогона, отменного первача.

Волков потер руки:

– Это дело!

– Туалет и умывальник слева по коридору у кухни.

– Небогатая квартирка.

– Это на первое время.

– Но ты свободен уже почти год. Мог бы обзавестись чем-нибудь получше. Или у местных партий с деньгами туго?

– И об этом, Федя, поговорим позже. Давай, мой руки, я стол накрою.

Спустя пять минут друзья сидели за столом.

После обеда Волков, разморенный теплом и самогоном, который оказался на редкость крепким, не уступающим спирту, прилег на кровать. На этот раз он уснул сразу же, не слышал, как ушел Якубовский, и поднялся, когда за окном было уже сумеречно.

«Хорошо поспал, – подумал Федор и потянулся. – И голова не болит, хороший самогон приобрел приятель. Кстати, где он?»

– Леонид?! – крикнул Волков, но не дождался ответа.

«Никак подался к какой-нибудь барышне, – решил Федор. – Якубовский аристократ, на девок трактирных размениваться не будет. Ему цветочки даме подарить, поухаживать, речи умные толкнуть, а потом уж и в постель. Мне же все эти буржуазные штучки ни к чему. Выпил хорошо, выбрал девку поздоровее и без лишних разговоров разложил ее в номерах. Никаких цветов, болтовни, ухаживаний, ахов и вздохов».

Он поднялся, обмылся по пояс и посмотрел на свою одежду. Она сильно поистрепалась. Хорошо бы новую прикупить. Денег пока нет, а приодеться надо сейчас. Может, у Леонида что-то найдется?

Федор открыл шкаф, нашел чистую рубашку, больше ничего. Ну и ладно, хоть свежая.

«Стоп! – Волков остановился посреди комнаты. – Куда это я собрался, если в кармане ни гроша? И Якубовский, как на грех, ушел. Может, подойдет скоро?»

Волков прошел на кухню и увидел на столе трехрублевую купюру и шестьдесят копеек мелочью. Якубовский оставил! Федор улыбнулся. Позаботился друг, этого хватит гульнуть.

Он отправился в ближайшее питейное заведение, перед этим приняв полстакана самогона для настроения. Трактир вечером гудел как улей. Здесь хватало рабочих, извозчиков, мелких служащих и всяких темных личностей.

За столиком у стойки сидели три девки. Одна из них, мясистая, молодая, с толстыми, ярко накрашенными губами, сразу же привлекла внимание Федора.

Он заказал водки.

Буфетчик налил рюмку и спросил:

– Что изволите на закуску?

– На закуску? – Волков усмехнулся: – А вон ту толстую деваху. Она как? Сама по себе или кто стоит над ней?

– Сама по себе, – ответил буфетчик. – Но выбор плохой. Грязная девка. Ею мало кто интересуется.

– Главное, чтобы здоровой была.

– Насчет этого порядок. Проверяются девахи постоянно. Им иначе нельзя. Головы лишиться можно, если заразит кого.

– Тогда беру ее на закуску! За комнаты кому платить?

– Мне.

– Приличные номера? Или так себе, каморки блошинные?

– Не апартаменты, но и не каморки. Обычные комнаты с кроватями, столами, стульями. Душевая и туалет общие, в торце коридора. Лестница на второй этаж рядом с входом.

– Видел. Сколько?

– Надолго берешь девку?

– На ночь.

– Два рубля.

– Не дорого ли? Номер в гостинице за сутки обходится дешевле.

– Забирай девку, ступай в гостиницу.

– Вот тебе полтора рубля, и торг закончен. Ключ?..

– Комнаты открыты, изнутри закроете на задвижку.

– Ладно. – Волков бросил на прилавок деньги, повернулся к девицам, разглядывавшим его, поманил пальцем толстую: – Ты! Подойди, угощу!

Молодая проститутка быстро оторвала свой необъятный зад от стула, подошла.

– Это мы с удовольствием.

– В номер пойдешь со мной?

– Пойду.

– Не разочаруешь?

– Другим фору дам.

– А чего от тебя потом разит? Не мылась давно?

– Так жарко здесь. В душе помоюсь.

– Хорошо. Сколько за ночь?

– За ночь? – удивилась пышная девица.

Ее-то и на час редко брали, да и то заезжие из деревень или пьяные.

– У тебя со слухом плохо?

– Нет, нормально. За два рубля пойду и всю ночь ублажать буду.

– Рубля с тебя хватит.

– Ну тогда хоть вина возьми.

– Вот это правильно. – Волков повернулся к буфетчику. – Бутылку водки, вина, бутерброды с килькой и колбасой, для мадам фрукты.

– Яблоки есть.

– Значит, яблоки.

– Я хочу селедки, – вдруг сказала девица.

– Селедки? С чего? Уж не беременна?

– Кто? – Толстуха рассмеялась. – Я? Ну ты дал, кавалер.

– Селедки с хлебом сделай, – заказал Волков. – И все это половой пусть принесет в комнату. Дверь не заперта будет.

Буфетчик кивнул:

– Ладно. Коли полиция заявится, мальчишка предупредит. Быстро из номера по пожарной лестнице на улицу.

– И часто облавы бывают?

– Нет, но случаются.

Волков хлопнул девицу по задку:

– Пошли. Как звать-то тебя?

– Марией. А тебя?

– Зови Иваном. Пошли.

Несмотря на явно лишний вес, Мария оказалась опытной и активной. Федор получил от нее все, что хотел, и заплатил за это рубль.

В семь утра он вернулся на квартиру.

Якубовский уже проснулся, впустил Федора и спросил:

– Отвел душу? Успокоил телеса?

– Отвел и успокоил. Спать только хочу. Ночью не получилось.

– Дорвался?

– Ага! Дорвался.

– Отдыхать надо, но, Федя, не сегодня. Нынче в десять часов у нас с тобой встреча.

Волков недовольно поморщился:

– Какая еще встреча, с кем?

– С человеком серьезным, очень влиятельным в местных революционных кругах. Это товарищ Курилов, председатель губернского отделения партии.

– А зачем ему я, обычный поселенец?

– Помнишь, я говорил, что придется деньги зарабатывать?

– Ну?

- Вот с Виктором Ильичом и поговорим о работе.
- Сразу предупреждаю, Леня, горб гнуть не пойду. Найду, как заработать деньги.
- Якубовский улыбнулся:
- Думаю, тебе предложат работу по твоему профилю.
- Волков внимательно посмотрел на приятеля.
- Что ты имеешь в виду, Леня?
- Я? Ничего. Только предполагаю. Все узнаем у товарища Курилова. Так что приводи себя в порядок. В девять тронемся. Виктор Ильич снимает квартиру на другом конце города.
- Ты видел мой наряд? Мне пришлось позаимствовать твою рубаху. Это для трактира-то! Сам-то побреюсь, помоюсь, а одежда? В ней прилично будет явиться к такому большому человеку?
- Я подумал об этом. На твоей кровати лежит сверток, в нем новый костюм, туфли, рубашки, носки.
- Да? И как же ты без меня подбирал одежду? А вдруг не по размеру?
- Я попросил примерить человека твоей комплекции. Да ты посмотри. Не подойдет – поменяем. Об этом я тоже договорился.
- Ладно. Только сначала здоровье подправить да пожрать не помешало бы.
- Завтрак сделаю, а вот спиртное употреблять нельзя. Придется на какое-то время отказаться. Товарищ Курилов отдельно предупредил.
- Кого? Меня никто ни о чем не предупреждал.
- Все впереди, но не теряй время. Я делаю яичницу и завариваю чай.
- Волков обмылся холодной водой, побрился, примерил одежду, купленную Якубовским. Она оказалась впору. Даже туфли сидели на ногах как влитые.
- Федор осмотрел себя в зеркале.
- А ничего! До чиновника, конечно, недотягиваю, но и на простого рабочего не похож. Больше на писаря из какой-нибудь небольшой конторы.
- Якубовский позвал Волкова на кухню. Они позавтракали, в начале десятого вышли из дома, тут же подхватили пустую пролетку и к назначенному времени подошли к парадному четырехэтажного здания, где торчал швейцар.
- А неплохо устроился товарищ Курилов, – проговорил Волков.
- Положение обязывает.
- На каком этаже его квартира?
- На втором.
- Значит, снимает апартаменты рублей за сто, никак не меньше.
- Это не наше дело, Федор.
- Конечно. Но ладно я, только освободился, а ты, Леонид, в Екатеринбурге уже год, свободно общаешься с товарищем Куриловым. Неужели не мог пробиться в руководство губернским отделением партии? Это с твоим-то опытом и рекомендациями!
- Я вхожу в руководство отделения.
- Да? – удивился Волков. – Тогда почему снимаешь какую-то задрипанную квартиру? Или тебе по соседству с Куриловым места не нашлось?
- Ты же знаешь, мы боремся не за личный интерес, а за то, чтобы народ наконец-то избавился от ярма самодержавия, за лучшую жизнь простых людей.
- Волков рассмеялся:
- Вижу я, как руководитель отделения не блюдет свой интерес. Мог бы и поскромней устроиться.
- Все, Федя, хватит пустословить, – раздраженно проговорил Якубовский. – Нам пора.
- Ну а пора, так идем.
- Швейцар поинтересовался, к кому явились посетители.

Якубовский ответил:

– К господину Курилову. Он должен был предупредить вас о нашем приезде.

– Да, меня предупредил секретарь Виктора Ильича. Проходите.

Волкова поразила огромная мраморная лестница, ведущая из холла на второй этаж.

– Такой я нигде не видел, даже в Петербурге.

Гостей встречал молодой человек в безупречном костюме.

– Заходите, господин Якубовский. С вами господин Волков, не так ли?

– Да, Володя.

– Виктор Ильич ждет вас в рабочем кабинете.

Еще больше поразило Волкова внутреннее убранство апартаментов. Повсюду дорогая мебель, ковры, шелк, хрусталь, антикварные вещи, картины.

– Да!.. – только и проговорил он.

Руководитель местного отделения партии встречал Якубовского и Волкова посередине огромного кабинета.

– Добрый день, Леонид Владимирович. Здравствуйте, товарищ Волков. Извините, забывал ваше имя-отчество.

– Федор Алексеевич, но лучше просто по имени и на «ты».

– Добрый день, Федор. Проходи, пожалуйста, присаживайся в кресло. Ты куришь?

– Да. А что, здесь нельзя?

– Почему же? Я и сам заядлый курильщик. Папиросы на столе, угощайся.

– Благодарствую, предпочитаю свои, крепкие и дешевые. Сами понимаете, Виктор Ильич, после поселения с деньгами трудновато. Проще говоря, их вообще нет.

– Буду прям и откровенен. На данный момент организация испытывает острый дефицит в финансах. Это ведет к тому, что мы не можем в полной мере реализовывать планы центрального комитета, да и свои собственные. Из Петербурга в ближайшее время не ожидается никаких поступлений. На места пришло распоряжение обеспечивать себя собственными силами. Это значит, что мы должны изыскивать необходимые нам средства прямо здесь, в Екатеринбурге. Каким образом? Добровольные взносы? Их доля мизерна. Привлечение к финансовой поддержке местных богатеев – абсурд. Никто из них нам деньги не даст. Остается один выход – экспроприация.

– Что? – не понял Волков. – Какая такая эксприация?

– Не эксприация, мой друг, а экспроприация, другими словами, лишение собственности одного общественного класса другим.

– Понятно. Короче, грабеж!

– Очень грубо, хотя по сути верно. Мне Леонид Владимирович много рассказывал о тебе, Федор. О твоём тяжелом детстве, юности, о том, как ты стал членом организации «Свобода и труд» и блестяще провел ликвидацию петербургского фабриканта. Поэтому я решил, что ты, как никто другой, подходишь на должность специалиста по финансовому обеспечению организации. Сразу оговорюсь, решение принято мной лично. О нем знает только товарищ Якубовский. Остальных руководителей организации я в это дело не посвящал. Очень уж оно деликатное и совершенно не нуждается в афишировании. Учитывается и вопрос безопасности.

Волков усмехнулся:

– Понятно. Значит, вы решили использовать меня как грабителя, так?

– Я уже сказал: как специалиста по финансовому обеспечению организации.

– Конечно. И что конкретно я должен сделать?

Курилов взял со стола папку, открыл ее, достал листы бумаги.

– В городе живет купец Васильев Степан Григорьевич. По местным меркам считается состоятельным человеком. Владеет трактиром, доходным домом, свечным заводом, лабазами, которые сдает в аренду. Добропорядочный семьянин. У него красивая жена и сын. Свой дом

в уютном местечке. Но мало кто знает, что Васильев самый богатый купец в нашей губернии. Свое огромное состояние он нажил не за счет какого-то трактира, доходного дома или аренды. На свечном заводе оборудована подпольная гранильная мастерская. Васильев закупает необработанные камни и делает из них бриллианты. Но это технические вопросы, они не должны затрагивать вас. Послезавтра Васильев ожидает крупную партию камней. Он уже подготовил деньги для расчета с поставщиком. По моим данным, это около трехсот тысяч рублей. Так как сделки с алмазами незаконны, то и проводятся они тайно, не привлекая ненужного внимания.

– Вы считаете, что господин Васильев держит дома сумму в триста тысяч рублей? – осведомился Волков.

– Не исключено, что завтра он увеличит сумму. Предстоящая сделка оценивается примерно в пятьсот тысяч рублей.

– Полмиллиона?

– Это по расчету. Но в сейфе Васильева уже на данный момент около трехсот тысяч рублей.

– Я должен ограбить купца?

– Экспроприировать незаконно полученные средства.

– Какая разница?

– Хорошо, пусть будет по-твоему, Федор, ограбить.

– Но если в доме такие деньги, то и охрана должна быть сильная.

– Ошибаешься. В полицию Васильев обратиться не может. Своих охранников у него всего двое, да и те сопровождают купца только в городе.

– Вы хотите сказать, что дом вообще не охраняется?

– Практически да, если не считать садовника-осетина, который давно живет в усадьбе. Он Васильеву еще от отца достался. Зовут его Асламбек, он старше хозяина и занимается по большей части садом. Обитает в небольшом домике рядом с баней. Других лиц по ночам в усадьбе нет. Охрана подъезжает с рассветом. У Васильева свой экипаж, постоянный кучер Михаил. Он тоже появляется по утрам.

– Если в усадьбе ночью только семья и садовник, то забраться в дом тихо труда не составит, но вот сейф? Он наверняка не простой, а я не медвежатник, вскрывать сейфы не умею. И потом, его еще найти надо. Вряд ли он будет стоять на виду с такими-то деньжищами!

Курилов кивнул:

– Сейф находится за картиной в стенной нише напротив дивана в кабинете Васильева. Взламывать его не придется. Мне известен код, который поможет открыть несговорчивый ящик безо всяких проблем.

– В сейфе, говорите, триста тысяч рублей?

– Около того. Может, немного меньше или больше.

– Понятно. Извините, Виктор Ильич, но откуда у вас информация о подпольных делах Васильева, местонахождении сейфа, его кода, а особенно о сумме, в нем хранящейся?

Курилов прищурил глаза. От показной доброжелательности не осталось и следа. На Волкова смотрел властный, жестокий человек, привыкший достигать поставленной цели.

– Почему это интересует тебя, Федор?

Волков выдержал взгляд руководителя революционной организации.

– Я должен знать, честное ли дело мне предстоит или тут возможна подстава. Если мне надо взять деньги, то я хочу быть уверенным в том, что риск засветиться минимален. Он зависит только от того, как я сам отработаю задание.

Взгляд Курилова смягчился.

– Вижу, не напрасно тебя рекомендовал Леонид Владимирович. Хорошо. Подробности я раскрыть не имею права, скажу лишь, что у Васильева, как и у любого другого купца, есть

работники. Один его приказчик очень завидует своему хозяину и весьма любит деньги. Мне продолжать?

– Нет! Но приказчик с этого момента – ненужный свидетель.

– Согласен. Я дам тебе его адрес. Он живет один, снимает комнату в доходном доме Васильева.

– Вы хотите, чтобы я и с приказчиком разобрался? Но для меня он не представляет опасности. Я не знаю его, он – меня.

– А мне помочь ты не желаешь?

– Одного желания, Виктор Ильич, мало.

– Хорошо. За Васильева и приказчика ты получишь тысячу рублей. Я же прекрасно понимаю, как тебе сейчас нужны деньги. Кроме этого, если все пройдет успешно, я введу тебя в совет нашего отделения, и мы подумаем о создании боевой группы. Деньги Васильева уйдут быстро, а нам необходимо постоянно пополнять кассу.

– А если я откажусь?

Курилов внимательно посмотрел на Волкова, и в его взгляде вновь отразилась скрытая угроза.

– Не советую делать этого, Федор.

– Хорошо, я согласен. Но после работы мне надо будет навеститься в Москву по личным делам.

– Я могу знать, что это за личные дела?

– Конечно: хочу навестить могилу жены.

В разговор вступил Якубовский:

– У Федора, Виктор Ильич, действительно безвременно ушла из жизни супруга. Они очень любили друг друга. Кстати, ликвидацию фабриканта Федор и Адина проводили вместе.

– Так супруга Федора состояла в революционной организации «Свобода и труд»?

– Да, она являлась одним из активных ее членов.

– Хорошо, ничего не имею против поездки товарища Волкова в Москву.

– Благодарствую, – сказал Федор, а Курилов спросил:

– Что тебе нужно для работы по дому Васильева?

– Во-первых, схема усадьбы. На ней должно быть указано месторасположение комнат, особо кабинета. Мне надо знать, где ночью находятся супруги и сын. Во-вторых, код сейфа и наган. В-третьих, пролетка с надежным человеком. Это уже завтра, чтобы осмотреться на месте. Еще саквояж или сумка для денег и рублей десять на непредвиденные расходы.

– Пролетка будет ждать тебя завтра в девять часов у булочной, которая недалеко от дома, где ты остановился. Извозчик свой человек, но он не в курсе твоего задания и не должен ничего знать. Наган есть у Леонида Владимировича, ну а схемы вот, пожалуйста. – Курилов закрыл папку, пододвинул ее к Волкову.

– А десять рублей на непредвиденные расходы?

Курилов передал Федору деньги и спросил:

– Это все?

– Адрес приказчика.

– А, да! Записать или запомнишь?

– Запомню.

Курилов продиктовал адрес и сказал:

– Работа, Федор, завтра. Не позже.

– Слушаюсь!

– Не надо ерничать.

– Извините.

– Тысячу рублей получишь, как только доставишь деньги Васильева к Леониду Владимировичу.

– Хорошо.

– Тогда мне остается пожелать тебе удачи.

– Спасибо. Удача никогда не помешает!

Якубовский с Волковым вернулись на свою квартиру, такую убогую после апартаментов руководителя местного отделения революционной партии.

Федор тут же прошел на кухню, достал из шкафа начатую бутылку самогона, налил гра-
ненный стакан, в два глотка выпил обжигающую жидкость, присел за стол, прикурил папиросу.

Якубовский открыл форточку, сел напротив Федора.

Волков выпустил кольцо дыма и спросил:

– После всего скажешь, что не знал, для чего вызывал нас на встречу господин Курилов?

– Знал лишь то, что Виктор Ильич должен был предложить работу.

– Ну и как тебе задание?

– Сейчас практически все организации испытывают финансовые трудности, поэтому экспроприации проходят повсюду.

– Слушай, ну хоть ты не забивай мне мозги этой экспроприацией. Говори по-человечески – тактика грабежа.

– Пусть грабежа. Революция требует не только жертв, но и денег, такова реальность.

– Реальность, Леня, реальностью, а ты подумал, что мне придется убрать всю семью Васильева и садовника?

– Но почему?

– А потому, что в таких делах свидетелей не оставляют.

– Но если ты войдешь в дом тихо?

– А если пацаненок или жена Васильева не будут спать? Шум побоятся поднять, а в щелочку меня хорошенько рассмотрят? Долго ли мне тогда быть на свободе? Деньги, которые заплатит Курилов, истратить не успею, как полиция возьмет за жабры. Если Васильевы поднимут шум, тогда тем более придется валить всех. Да еще приказчик.

– Ты справишься, Федор!

– Само собой. У меня просто нет другого выхода. Выпьешь?

Якубовский махнул рукой:

– А, давай! Но немного.

– А в бутылке на один раз и осталось. Кстати, ты еще прикупить самогон можешь?

– Это не проблема. Но Виктор Ильич меня на сей счет строго предупредил.

– Так ты, получается, руководитель акции?

– Ну, не то чтобы руководитель...

Волков прервал Якубовского:

– Понятно. И сколько тебе обещал заплатить Курилов?

– Триста рублей. Мне от тебя нечего скрывать.

– Неплохо! Триста рублей за то, чтобы сидеть дома вместе с Куриловым и ждать, когда я привезу триста тысяч, один провернув все дело.

– Таково решение Виктора Ильича.

– Мы еще обсудим с ним наше дальнейшее сотрудничество. Работу, раз подписался, сделаю, а потом поговорим.

– А надо ли, Федор?

– Надо, – твердым голосом ответил Волков. – В отличие от тебя, я за идею ни подыхать, ни страдать не собираюсь. Хватило ссылки. Хорошо, что поселением отделался. Если бы следователи доказали причастность к убийству Сазонова, то уже сгнил бы в земле сырой, удав-

ленный на виселице. – Он разлил остатки самогона, опустошил стакан и проговорил: – Вот так, Леонид Владимирович.

– Но у тебя прекрасные перспективы в партии, Федор. Войдешь в руководство, будешь получать деньги не за тяжелый труд на заводе.

– Деньги, которых хватит на съем такой же убогой квартирki? Я же и буду приносить их в организацию?

– Финансовые трудности – явление временное. Центральный комитет наладит дело.

– Вообще-то я смогу привольно жить и без партии.

– А вот это спорный вопрос. Одиночки погибают быстро.

– Это смотря какие одиночки. Но ладно, Леня, хватит о пустом. Никуда я не уйду. Тем более работа как раз по мне. А там, глядишь, действительно удастся свалить царя. Вот тогда-то можно будет и сытую должность в новой власти получить.

– Вот что мне в тебе всегда нравилось, Федор, так это твоя открытость. Говоришь, что думаешь, причем зная, где можно, а где нет.

– Все это базары, Леня. Непосредственная подготовка к акции начнется завтра. Сегодня я имею полное право использовать свободное время по своему усмотрению. Тем более и деньжата есть.

– Опять к девкам пойдешь?

– Не к девкам, а к Машке. Ох и заводная баба, Леня! А размеры!.. Не обхватишь.

– Запретить тебе я не могу. Но особо не расслабляйся. Извозчик, который подаст пролетку, доверенный человек Курилова. Он наверняка будет докладывать ему о каждом твоём шаге.

Волков усмехнулся:

– В организации вроде никто никого не сдаёт. Как говорил уважаемый Виктор Ильич, это у вас не принято.

– Не «у вас», Федя, а «у нас». Но стукачи всегда были, есть и будут везде. И во властных структурах, и в революционных организациях. Это тебе не хуже меня известно.

Утром Федор похмелился, расплатился с Машкой и ушел из трактира. На квартиру он явился в половине седьмого и разбудил Якубовского.

– Нагулялся? – спросил тот.

– Нормально.

– Свежачком от тебя тянет. Пил утром?

– Я всю ночь пил и кувыркался с девкой. Ты досыпай, Леня, я приму душ, приведу себя в порядок. Что у нас на завтрак есть?

Пролетка, обещанная Куриловым, подъехала к булочной, находившейся рядом с домом Якубовского, в девять часов, как и было оговорено.

Волков уже ждал ее, сел и спросил:

– Ты от Курилова?

– Да. А ты Волков?

– Федор. Зови по имени.

– Хорошо, а я Гришка. Куда едем?

Волков назвал адрес и через сорок минут остановил извозчика за два квартала до нужного дома.

– Гриша, погоди у церкви. Дальше я пройду пешком.

– Долго ждать-то?

– Сколько потребуется, – заявил Волков и пошел по улице.

Дом купца Васильева стоял в тупиковом проулке. Соседей рядом нет, и это хорошо. Да и проулок совершенно пустой. Что тут делать посторонним, в тупике-то? Забор сплошной,

дощатый, невысокий, перед ним кусты сирени. При всем желании лучшего места для акции и нарочно не придумаешь.

Не беспокоится о своей безопасности господин Васильев. Уверен, что о его темных делах никто не знает. Вот так излишняя самоуверенность приводит к гибели. Да ладно бы только того недоумка, который ее проявляет. Нет, он обрекает на смерть и близких. Ну и черт с ними.

Городовому здесь тоже делать нечего. Волков заметил всего одного полицейского, да и то далеко в стороне, у церкви.

Осмотревшись, Волков вернулся на улицу и прошел дальше.

На перекрестке он постоял две минуты, вернулся к пролетке и приказал извозчику:

– Домой, Гриша!

– Больше никуда не поедem?

– Поедем, но ночью, по двум адресам. Один из них тебе уже известен.

– Сюда, что ли?

– Сюда. А сейчас езжай прямо.

– Слушаюсь.

На перекрестке Волков указал на винную лавку:

– Запомни это место. Ночью скажу, что делать, понял?

– А чего понимать-то? Что скажешь, то и сделаю.

– Молодец. Теперь на хату.

У дома Якубовского Федор вышел из пролетки и предупредил извозчика:

– Смотри, Гриша, в одиннадцать часов быть как штык. И что бы я ни делал, вопросов не задавать.

– Оно мне нужно? – безразлично ответил Григорий.

– Верно мыслишь. Оно тебе совершенно не нужно. До вечера.

– В одиннадцать буду здесь.

– Не здесь, у булочной!

– Ладно, у булочной.

– Свободен.

Отправив извозчика, Волков прошел на квартиру Якубовского, которая стала его временным пристанищем.

Днем Якубовский заметно волновался. Ему не сиделось на месте. Он бродил по комнате, от кровати до окна, садился на стул, тут же вставал и уходил на кухню.

– Леонид! – окликнул его Волков, развалившийся на своей кровати. – Ты чего мечешься по хате?

Якубовский подошел к нему:

– А ты спокоен, Федор?

– Не вижу повода для беспокойства.

– Тебе ночью идти в чужой дом.

– Ну и что? Не впервой.

– И ты говоришь об этом так, словно тебе не людей убивать, а курицам головы отрывать.

Волков усмехнулся:

– Не вижу особой разницы.

– Да, – проговорил Якубовский. – Наверное, такие люди, как ты, и делают революцию.

У меня рука не поднимется убить человека.

– А как же фабрикант Сазонов? Его приговорило к смерти руководство организации «Свобода и труд», в том числе и ты.

– Одно дело – приговорить, другое – исполнить.

– Ты посчитай, сколько у нас палачей в тюрьмах. Они состоят в штатах, получают зарплату. Чем от них отличаюсь я? Приговор выносит организация, считай, тот же суд. Палачом выступаю я. Какая разница между мной и казенным палачом?

– Все верно, Федор, но мне как-то не по себе.

– А кто говорил, что революция требует жертв? Ты. Кто свел меня с Куриловым, зная наверняка, что мне предстоит делать? Ты свел. Разве ты откажешься от своих денег, если акция пройдет успешно? Не откажешься. Такие блаженные, как ты, могут последнее в приют какой-нибудь отдать, но не я. Я за свои кровные любого удавлю.

Якубовский внимательно посмотрел на Волкова:

– Тебе не страшно, Федор?

– Нет! – кратко, не раздумывая, ответил тот.

Ему действительно была безразлична судьба купца и его семьи. Волкова волновало только одно обстоятельство: удастся ли все повернуть тихо, не попасть в руки жандармов? На каторгу или на плаху Федор идти не хотел.

– У тебя стальные нервы!

– Нервничаешь – водки выпей, она успокоит. Кстати, ты обещал самогона прикупить.

– Господи, нашел о чем сейчас думать.

– Нашел. Дело-то обмыть надо, чтобы и потом везение не отвернулось. Судя по тому, что товарищ Курилов отвечает за финансовое обеспечение деятельности местного отделения партии, купцом моя работа не ограничится. Когда еще центральный комитет наладит финансирование, да и случится ли это вообще? Наверху увидят, что местные кадры сами могут добывать деньги, и резонно решат, что незачем кормить тех, кто в состоянии сам себя обеспечить.

– Ты думаешь, будет так?

Волков вздохнул:

– Думать, Леня, это дело Курилова, мое – работать.

– А ты действительно собрался в Москву, на могилу Адины?

– Конечно. Что мне еще там делать?

– В Москве у тебя остались квартира и сувенирная лавка.

– Ага! Десять с лишним лет они ждали меня. Чинуши из городской власти сразу после суда, скорее всего, прибрали к рукам мое добро.

– Но ведь конфискации не было.

– Тем, кто захотел, как вы выражаетесь, экспроприировать чужую собственность, решения суда не надо. Они свое вынесут. Я еду к Адине. Есть, конечно, в Москве и другие дела, но это личное, Леня, так что не расспрашивай попусту. И вообще, мне надо выспаться.

– Как ты можешь спать перед тем...

Волков оборвал Якубовского:

– Могу! И не маячь, пожалуйста, перед глазами.

– Пойду прогуляюсь.

– Это самое верное решение. Сходи в парк, посиди на лавке перед прудом, покорми лебедей.

– Да, мне надо прогуляться.

– Счастливо. Закрой хату своим ключом.

Якубовский ушел. Волков выждал какое-то время, вышел в подъезд, осмотрелся и поднялся на чердак. Тот был полон всякого хлама. Но это-то и было нужно Волкову.

Он аккуратно оторвал доску от стены, удовлетворенно хмыкнул и подумал: «Угу. Пойдет! Тут ни одна сука не найдет. Вот только надо будет действовать быстро и что-нибудь надеть поверх костюма. Какую-нибудь накидку. Где ее взять? Купить? Деньги есть, да вот только из дома не выйдешь. Неизвестно, где обретается Якубовский. Может, стоит возле подъезда? Из окна не заметишь».

Случайный взгляд Волкова упал на деревянный ящик, рядом с которым валялась старая куртка. Он поднял ее. То, что надо для грязной работы. Еще бы штаны, но их можно и от старого костюма взять.

Приняв решение, Волков вернулся на квартиру, свернул свой старый костюм и отнес его на чердак.

Вскоре он спал спокойным сном ребенка.

Поднялся Волков в девять часов вечера. Якубовский был дома. На кухне что-то шипело, аппетитный запах заполнял всю квартиру.

Федор поднялся, прошел на кухню.

Якубовский жарил мясо и вздрогнул, услышав голос подельника:

– Любишь ты готовить, Леня!

– Это ты? Выспался?

– Выспался. Говорю, любишь ты готовить.

– Есть такое дело.

– Так чего в повара не подался? Был бы сейчас шеф-поваром какого-нибудь дорогого ресторана в Петербурге и горя не знал бы. Никакой революции не надо. Деньги косой бы косил.

– Мое призвание, Федор, – борьба за права народа.

– Ты мне об этом не говори. Хватит уже. Когда будет готов ужин? В половине одиннадцатого мне уходить.

– Минут через двадцать.

– Добро.

Волков умылся, присел на стул у кухонного стола, закурил папиросу.

Якубовский успокоился и спросил:

– Ты внешность изменить не хочешь?

– Чего? Это усы или бородку приклеить?

– Ну, например.

– Нет, Леня, все это детские игрушки. Если ужоу в руки жандармов, то никакой маскарад не спасет, а не попаду, то и лепить на физиономию нечего. Лично я попадаться не собираюсь.

– А разве ты мог предположить, что тебя случайно возьмут на квартире Глозмана? В гостях у тестя ты собирался попадаться?

– Дважды такое не бывает. А попал я тогда действительно глупо. Из-за жалости своей. Ведь видел, что тестю уже не поможешь, нет, решил докторов вызвать, – бессовестно лгал Федор. – Но и уйти не смог.

– Благородный поступок.

– За который пришлось слишком дорого заплатить. Но не будем об этом. Ты револьвер приготовил?

– Да, наган и патроны во втором ящике комода.

– Посмотрю, пока ты стряпней занимаешься.

Волков прошел в комнату, достал наган, несколько раз нажал на спусковой крючок. Ударный механизм вроде бы работал четко. Лишь бы так было и в нужный момент, если, конечно, таковой настанет.

Федор зарядил револьвер, бросил его на кровать и достал из-под матраса острый широкий нож. Это оружие не менее опасное, чем револьвер, к тому же бесшумное. В умелых руках, таких, как у Волкова, надежней нагана.

После ужина Якубовский принялся за уборку квартиры. Ведь к нему должен был приехать сам Курилов и ждать возвращения Волкова.

– А все же этот Виктор Ильич не так умен, как кажется, – неожиданно проговорил Федор.

– Почему? – осведомился Якубовский, взглянув на него.

– Скажи, ну за каким чертом ему самому приезжать сюда? А если меня схватят и я, дабы получить снисхождение, приведу на квартиру жандармов? И все! Курилов окажется за решеткой.

– А ты способен на это?

– Когда, Леня, будет светить смертная казнь, пойдешь на все!

– Тогда ты подставишь не Курилова, а меня. Или действительно думаешь, что Виктор Ильич не подстрахуется?

– Интересно, каким образом?

– Думаю, за тобой будут следить от квартиры до дома Васильева и обратно. Если что-то пойдет не так, то Курилова сразу же предупредят и он спокойно уедет к себе. Но тогда тебе вынесет приговор уже не суд присяжных, а революционный трибунал. Не надо объяснять, каким он будет. Так что никакого резона сдавать нас у тебя нет.

– Да я пошутил. Живым в руки жандармов не дамся. Уверен, что все пройдет гладко.

– Наган проверил?

– Поглядел. Вроде в порядке.

– Ночью выстрелы далеко слышны.

Волков усмехнулся, достал нож.

– А вот эту вещицу и не слышно, и не видно, а убивает она не хуже револьвера.

– Убери!.. – Якубовский скривился.

– Чего, Леня? Брезгуешь?

– Спрячь, пожалуйста.

– Да ради бога.

В половине одиннадцатого Волков оделся, спрятал револьвер и нож, взглянул на Якубовского:

– Пора, Леня. Присядем на дорожку?

– Когда должна подойти пролетка?

– Через полчаса.

– Не рано собрался выходить?

– А я тоже подстрахуюсь, погляжу, как подъедет Гриша, будет ли кто рядом с ним.

Погляжу на тех, кого Курилов пошлет сопровождать нас.

– Зачем тебе это надо?

– А затем, чтобы в случае опасности уйти без хвостов.

– Не понимаю.

– А тебе и не надо ничего понимать. Так присядем?

– Давай.

Якубовский и Волков опустились на стулья, тут же встали. Федор взял из шкафа ополовиненную бутылку водки.

– Зачем? – спросил Якубовский. – Ты же знаешь, что приказывал Курилов.

– Мне взбодриться надо, а Виктор Ильич все простит, когда я доставлю ему деньги. Где саквояж?

– В прихожей.

– Ну, давай, Леня!

– Удачи тебе, Федор.

– Ага!

Волков вышел из квартиры, постоял в подъезде. Никого, все тихо. Он неслышно поднялся на чердак, снял новый костюм, оставил там, переоделся в старье.

Потом Федор, прижимаясь к домам, прошел до булочной и встал за афишной тумбой.

Пролетка подкатила ровно в одиннадцать. На улице по-прежнему никого не было. Значит, блефовал Якубовский? Или Федора будут встречать у дома Васильева? Да пошли они все к черту! Пусть торчат где хотят, лишь бы не мешали.

Волков запрыгнул в пролетку.

Извозчик от неожиданности вздрогнул:

– Откуда ты взялся?

– Оттуда. Поехали!

– К тупику?

– Нет, сперва к доходному дому. – Федор назвал адрес. – Здесь недалеко.

– Но ты ничего не говорил о доходном доме.

– А мы туда ненадолго. Дело пустяковое.

– Виктор Ильич в курсе?

– Конечно.

– Ладно.

Григорий довез Федора до нужного дома, остановился за углом.

Волков осмотрелся.

– Вот здесь и жди. Я быстро.

Он спрыгнул с пролетки, пошел во двор, по черной лестнице поднялся на третий этаж.

В коридоре народу не было, только из общей кухни доносился пьяный разговор. Кто-то пытался петь, но это у него получалось плохо, заплетался язык.

«Рабочий класс расслабляется», – подумал Федор, усмехнулся и постучал в дверь первой комнаты.

– Кто там? – услышал он молодой встревоженный голос.

– Девочек заказывали, господин хороший?

– Нет! Вы ошиблись.

– Вам не нужны красивые доступные девочки? Всего-то рубль за ночь любви!

– Нет, мне никто не нужен.

– Тогда в шутки в сторону. Открывай, я от Степана Григорьевича.

Приказчик открыл дверь. Он был в кальсонах, явно готовился ко сну.

– Что надо господину Васильеву?

Федор вошел в комнату, отодвинул щуплого мужика и закрыл дверь. Приказчик в испуге подался назад, но Федор выверенным ударом вонзил ему нож в солнечное сплетение и провернул. У приказчика от болевого шока расширились глаза.

– Ну и чего вылупился, бедолага?

Волков выдернул нож и ударил приказчика еще дважды. Тот замертво рухнул на кровать. Федор дождался, пока тело перестало биться в судорогах, убрал все следы и осторожно выглянул в коридор.

Там по-прежнему никого не было, только голоса на кухне стали громче.

Он проскользнул на лестницу, вышел к пролетке, сел и сказал:

– Здесь все. Теперь к дому Васильева!

Григорий кивнул, и пролетка двинулась дальше.

Невдалеке от тупика Федор спросил:

– Помнишь, где должен стоять?

– Помню. У винной лавки.

– Там оставишь пролетку, сам выйдешь на перекресток.

– Зачем?

– Будешь смотреть за усадьбой. Перед тем как выйти со двора, я махну рукой. Если все спокойно, ты ответишь так же и подашь пролетку к дому.

– Но ты же говорил...

– Раньше говорил. Сейчас изменил решение. Делай, что сказано.

– А если соседи заметят пролетку?

– Ты здесь один такой с лошадей и повозкой? Кто обращает внимание на извозчиков?

Но морду на всякий случай прикрой, не выставляйся. Возле дома!.. Понял?

– Понял.

– Притормози.

Григорий потянул вожжи.

Волков соскочил на мостовую и юркнул в кусты.

Пролетка прошла к перекрестку.

Федор посидел несколько минут, слушая шорохи листьев деревьев, колеблемых слабым ветром. Убедившись, что вокруг все спокойно, он перебросил за забор саквояж, быстро перемахнул через невысокую ограду и сразу упал на траву газона.

Утром Федор убедился в том, что собак тут нет. Он посмотрел на светящееся оконце небольшого домика, где обитал садовник. Тот не спал в столь поздний час.

Почему? Он не один?

Волков прокрался мимо бани к домику, осторожно заглянул в окно. Тряпка, заменявшая занавеску, была отодвинута вправо. Федор увидел, что садовник стоял спиной к двери, склонившись над чем-то.

Волков прокрался к двери, потянул к себе – закрыто, толкнул от себя, и створка поддавалась. Это уже хорошо. Федор приготовил нож, просунул в узкую щель между дверью и косяком и оказался в крохотной прихожей. Вход в единственную комнату был открыт.

Волков видел спину садовника, который, тяжело дыша, что-то запихивал в большую сумку. Вот самый подходящий момент!

Федор оставил саквояж на полу, кошкой подскочил к осетину и всадил ему в спину, под левую лопатку, свой нож. Он вошел в тело по рукоятку, не задев ребер.

Осетин дернулся, едва слышно вскрикнул, хотел обернуться, но Волков повалил его на сумку и наступил на спину, из которой торчала рукоятка ножа. Садовник захрипел, судороги пробили его тело.

Когда он успокоился, Волков отпустил его, вытащил нож, вытер лезвие о рубашку жертвы и проговорил:

– Вот так, Асламбек! Не повезло тебе с хозяином. Уж лучше бы ты снимал комнатушку в доходном доме, тогда остался бы жив. Ты лежи, отдыхай. Теперь тебе спешить некуда. – Он обыскал труп, нашел два ключа. Осталось проверить, к каким замкам они подходят.

Волков погасил свет, взял саквояж, вышел из домика и метнулся к парадному входу. А вдруг повезет? Но ключи не подошли. Более того, через зарешеченное стекло Волков увидел, что дверь закрыта еще и на крупную цепочку.

Он обошел дом и обратил внимание на идеальный порядок в саду. Трава ровно покослена, на деревьях ни одного желтого листика, в небольшом пруду – чистая вода, отражающая звезды. Следил Асламбек за порядком, в этом ему не откажешь. Да толку-то?

Один из ключей садовника подошел к тыловой двери. Через нее Волков оказался в топочной. Печь с котлом, куча угля. Федор хмыкнул. Хозяйственный Васильев позаботился об отоплении. Да оно и правильно, дом большой, одной русской печью в холодные зимы не прогреешь.

Из топочной Федор без труда прошел в коридор первого этажа. Согласно схеме, полученной от Курилова, здесь были гостиная, холл, кухня-столовая.

Федор бегло осмотрел их, начал аккуратно, чтобы не скрипнули доски, подниматься по лестнице и вышел во вторую большую комнату. Еще одна гостиная? Зал для общесемейного времяпрепровождения? Не важно. Между диванами арка, за ней еще коридор.

Из него можно попасть в четыре комнаты, в том числе спальни купца и его жены. Странно, что супруги предпочитали спать врозь. Это было совершенно непонятно Волкову. Зачем тогда жена, если спать отдельно друг от друга?

Да, Федор тоже не спал с Адиной в последнее время перед ее болезнью. Но он уходил к девкам. А купец остается дома. Может, у них так принято? Пару раз в неделю, и супруги довольны? Волков так не смог бы. Да и черт с ним. Он пришел сюда вовсе не для того, чтобы расспрашивать хозяев об их интимных отношениях.

Так, первая дверь напротив – комната сына купца, Григория, пацана четырнадцати лет, названного, видимо, в честь деда. Васильев-то Степан Григорьевич.

Далее справа спальня супруги – Валентины Николаевны, сорока четырех лет от роду. Напротив комната хозяина дома купца Васильева, которому недавно стукнуло шестьдесят пять. На двадцать один год старше жены. Наверное, она у него не первая.

Не позавидуешь бабенке. Она в самом соку, ей мужик нужен, а рядом старик. Наверняка спит в нижнем белье, с чепцом на голове, заткнув уши ватой.

Последняя комната справа – кабинет. И что делать? Тихо пройти туда, открыть сейф, забрать деньги и так же неслышно уйти? А если проснется жена, сынок или сам купец?

Наверняка в доме есть оружие. В спальне Васильева может быть заряженное ружье. Если стволы упрутся в его спину и поднимется шум, то Волкову не только не забрать деньги, но и не сбежать.

А в домике у бани лежит труп садовника. Отпираться будет бесполезно, и оформит ему суд намыленную веревочную петлю. Нет уж, пусть подышают другие, а Федору еще пожить хочется. Посему придется валить всех. Так оно будет надежней и безопасней. Но работать надо без лишнего шума, стрелять только в крайнем случае.

Волков приоткрыл дверь в комнату мальчика, сына Васильева. Тот крепко спал, лежа поперек кровати. У подростков так часто бывает.

Федор, поигрывая ножом, обошел кровать, нагнулся, взмахнул рукой и вонзил клинок в грудь подростка. Григорий Васильев мгновенно умер во сне.

«Хорошая смерть», – подумал Волков. – Легкая. Уснул и не проснулся. Даже боли не почувствовал».

Волков прошел к спальне жены купца. Валентина действительно оказалась очень красивой женщиной. Одеяло прикрывало ее только наполовину. Волков облизнулся при виде полных груди, мерно приподнимавшихся под тонкой материей ночной рубашки. Золотистые волосы разметались по подушке, рот приоткрыт.

Эта женщина вдруг вызвала у Волкова открытый приступ желания. Ему очень хотелось овладеть этим прекрасным телом, сжать в ладонях упругие груди. Но делать этого было нельзя. После близости останутся следы, которые могут привести полицию к нему.

Валентина вдруг проснулась, увидела его и надвинула одеяло до подбородка. Естественная реакция женщины на неожиданное присутствие в спальне чужого мужчины.

Ей надо было кричать, а она очень тихо спросила:

– Кто вы?

Волков не мог больше бездействовать. Не ответив на вопрос, он вытащил из-под головы Валентины Васильевой подушку в шелковой наволочке и прижал ее к лицу несчастной женщины. Потом Федор с каким-то дьявольским наслаждением начал наносить удары ножом по телу, укрытому простыней. Два, три, пять. Белоснежная ткань стала багровой. Женщина не двигалась.

– Получила, сучка? И поделом. Замуж-то пошла за старика из-за его денег, а сама наверняка имела любовника помоложе. Стерва!

Федор вытер нож, поднялся, не глядя на окровавленную кровать, вышел в коридор. Там он чуть отдышался, тряхнул головой и, уже не таясь, резко открыл дверь спальни хозяина дома.

Звукоизоляция в здании была прекрасной. Волков из коридора не слышал, что купец громко храпел с причмокиванием и всхлипыванием. Волков усмехнулся, покачал головой. Ну и дает купец. А храп-то нездоровый. Видимо, сердце пошаливает. Дожил бы своей век в достатке, при семье. Нет, жажда денег не дает покоя. Он желает получить еще больше. Зачем ему столько денег? Здоровье ни за какие миллионы не купишь, годы назад не вернешь.

Зачем влезать в авантюры с камушками? И так видно, что всего у этого купца с куцей бородкой, смотрящей клинком в потолок, более чем достаточно. Нет, надо еще. Сейчас получишь сполна, хрыч старый. Пора заканчивать.

Волков обошел кровать. Васильев спал. Федору и делать особо ничего не пришлось. Он резким движением полоснул острым клинком по шее купца и тут же накрыл его голову одеялом, которое сразу же стало пропитываться кровью.

В спальне задерживаться не имело смысла. Конечно, здесь, как и по всему дому, были дорогие вещи. Где-то хранила свою заветную шкатулку покойная жена купца. Но ничего с собой не возьмешь. Уходить придется с Гришей, а тот – человек Курилова.

Если бы хоть немного знать этого извозчика, то, может, и удалось бы сговориться, поделиться награбленное добро. Но вслепую рассчитывать на то, что Гриша позарится на часть добычи, слишком рискованно, а посему и обыскивать дом не имело никакого смысла.

Волков подхватил саквояж и не спеша прошел в кабинет. К темноте он уже привык, разглядел картину на стене, напротив дивана, подошел к ней, отодвинул массивный багет в сторону.

За ним, как и говорил Курилов, находился сейф средних размеров, как раз под картину. На двери ручка, слева – четыре вращающихся ролика, вокруг каждого шкала из десяти цифр. Волков вспомнил код, повернул первый ролик, второй, третий, четвертый. На последней цифре внутри сейфа что-то шелкнуло, и дверка вышла из паза.

Волков открыл ее и увидел пачки ассигнаций различного достоинства. Он открыл саквояж и стал бросать в него деньги.

Одну пачку десятирублевых он попридержал и сунул в боковой карман пиджака. Потом Федор проверил верхний ящик в надежде на то, что там окажутся драгоценности, которые стоят дорого и не занимают много места, но нашел только какие-то векселя и другие бумаги.

Волков закрыл саквояж и начал потирать платком те предметы, к которым прикасался. Их было мало, и уборка не заняла много времени.

Закончив работу на втором этаже, Волков спустился на первый. Во рту у него пересохло, и он решил попить воды.

В большом кухонном буфете, рядом с мойкой, Федор увидел черную бутылку коньяка.

«Дорогой, наверное», – подумал он, взял бутылку, посмотрел на этикетку.

На ней сплошь нерусские надписи. Только число «1856» показало убийце, что он держит в руках бутылку с напитком пятидесятилетней выдержки.

Не раздумывая, Федор засунул находку в карман, попил воды, хорошенько обмыл нож, протер его кухонным полотенцем.

Все! Можно уходить. Свое задание он выполнил.

Теперь надо благополучно добраться до квартиры и отдать Курилову саквояж, до этого спрятав на чердаке пачку десятирублевых купюр. Ничего, организация от такой потери не обеднеет, а Волков заслужил премию.

Он благополучно вышел в сад, прошагал к калитке, открыл засов, осмотрел улицу. На перекрестке стоял извозчик. Федор показался ему и махнул рукой. Григорий ответил тем же и исчез.

Вскоре послышался стук копыт по мостовой. Волков на ходу запрыгнул в пролетку.

– Как?.. – не оборачиваясь, спросил извозчик.

– Нормально. Ты не гони, Гришка. Ночью городские крепко бдят службу. Заподозрят неладное, остановят. Езжай как обычно, будто пьяного мужика от любовницы везешь. А тому торопиться некуда. Он свое получил.

Извозчик сбавил ход, через полчаса остановился у булочной, повернулся и спросил:

– Может, к дому подвезти?

– Не надо, дойду. Ты не рисуйся тут, езжай домой. До квартиры я доберусь.

– Не могу. Виктор Ильич приказал отвезти его. Значит, мне надо ждать в указанном месте.

Волков забрал саквояж, прошел к дому, поднялся на второй этаж. На чердаке он добрался до укромного места, там переоделся, бросил старый костюм за ящик и уложил пачку денег в тайник.

Потом Федор спустился на площадку второго этажа. Он стряхнул пыль, которая кое-где испачкала костюм, протер саквояж и постучал в дверь.

Она тут же открылась. На пороге стоял бледный Якубовский.

– Ну и что, Федор?

– Может, все-таки в хатупустишь?

– Да, конечно, извини, проходи.

– Чего боишься?

– Нет, это не страх, а нервы. Ну и что? – повторил он свой вопрос.

Федор поднял саквояж.

– Все хорошо, Лень. Вот они, денежки господина Васильева.

– Ну и хорошо, ну и славненько. Ты проходи, Виктор Ильич ждет.

Волков зашел в комнату. Там за столом сидел руководитель местного отделения революционной партии, курил дорогую папиросу, пил кофе. Одет он был скромно, как банковский служащий средней руки.

Волков поставил саквояж на стол.

– Вот, товарищ Курилов, это то, что я должен был забрать из сейфа купца Васильева.

– Там все? – Курилов прищурил глаза.

– Обижаете, Виктор Ильич. Я никогда не был крысой, ворующей у своих товарищей.

Курилов улыбнулся:

– Не обижайся, Федор, верю.

Он открыл саквояж, посмотрел внутрь, защелкнул его, указал на стул и предложил:

– Да ты присаживайся, Федор, кофе выпей.

– У меня есть кое-что получше. – Убийца достал из кармана бутылку, взятую из шкафа в кухне Васильева.

– Зачем ты это сделал?

– Что? Забрал бутылку? Так ее все одно полиция прикарманила бы.

– Я же запретил тебе брать лишнее!

– Да? Это когда же? Что-то не помню, а память у меня, Виктор Ильич, хорошая.

– Ладно, возможно, не предупреждал, но сам-то мог догадаться?

– А я не рыскал по хате, не взял ничего, что открыто лежало. А там, кстати, было чем поживиться.

– Но бутылка?

– А что бутылка? Здесь водка кончилась, самогона Леонид Владимирович купить не мог. Мне же надо снять напряжение. Все же пришлось пятерых кончать, в том числе женщину и мальчонку.

– Хорошо, согласен. Выпей, но пустую бутылку в мусорный бак не бросай.

– Конечно, я все понимаю, этикетку в воде снимаю, а бутылку расколочу на мелкие части да в сортир спущу.

– Ладно, Федор, снимай стресс и рассказывай, как и что делал. В подробностях.

– А то, что ночь на дворе, вас не смущает?

– Нет. Я могу обходиться без сна несколько суток. Научился в тюрьме.

– Вы сидели? – удивился Волков.

– А ты думал, я всю жизнь провел в апартаментах? Нет, Федор, я прошел через такое, что тебе и не снилось. Но ближе к делу.

Волков открыл бутылку, и комната наполнилась горьковатым ароматом. Он налил темно-коричневую, почти черную жидкость в граненый стакан, выпил в три глотка, закусил огурцом, поданным ему Якубовским.

– Кто ж так пьет коньяк пятидесятилетней выдержки, Федор?

– А чего? Самогон, который покупает Леонид, лучше. Этот коньяк горчит и немного плесенью отдает.

– Да-да, – заявил Курилов. – Самогон, конечно, лучше коньяка стоимостью сто пятьдесят рублей.

– Сколько? – удивился Федор.

– И это если еще найдешь. А ты сей благородный напиток в граненый стакан!..

– Сто пятьдесят рублей? – продолжал удивляться Федор. – Это сколько же за такие деньги можно самогона купить? А, Леонид?

Якубовский в ответ только кашлянул.

– Ты снял стресс? – спросил Курилов.

– Снимешь тут, когда пьешь коньяк за такие деньги.

– Я человек терпеливый, Федор, но мне нужно знать, как прошло дело.

– Закурить позволите?

– Конечно. – Курилов пододвинул к Волкову коробку дорогих папирос: – Угощайся.

– Я лучше свои. – Федор прикурил. – Вот теперь порядок. Докладываю.

Волков подробно описал, как подбирался к жертвам и убивал их. Говорил он чуть более пятнадцати минут. Руководитель местного отделения революционной партии слушал его внимательно, одобрительно улыбаясь. Было видно, что рассказ о кровавых преступлениях интересен ему.

– Вот так, Виктор Ильич, – заявил Волков. – Через несколько часов трупы будут обнаружены. Полиция начнет поиск, но он ничего не даст. Скорее всего, следователь найдет козла отпущения – какого-нибудь бродягу. Отделение партии получило то, чего ему так не хватало. Я свою работу выполнил, прошу рассчитаться.

Курилов не стал лезть в саквояж, достал деньги из кармана дорогого костюма, положил перед Волковым.

– Здесь тысяча рублей.

– Дело! – довольно проговорил Федор. – Теперь можно и хату нормальную снять, и одеться по-человечески. Но до этого надо съездить в Москву.

– Ты и сейчас не желаешь сказать, что за дела у тебя в Москве, не считая посещения кладбища?

– Они носят личный характер.

– Хорошо, поезжай. Но сейчас ответь на вопросы.

– К вашим услугам, Виктор Ильич.

– Ты готов продолжить работу?

– Готов, если оплата будет подходящая, соразмерная заказу.

– А как насчет того, чтобы войти в руководство?

– Это мы всегда успеем. А вот боевую группу из трех-четырех человек создать не мешало бы.

– Пока ты будешь в Москве, мы решим этот вопрос. – Курилов поднялся. – Ну что же, мне пора. Ты отлично поработал, Федор, благодарю. Леонид Владимирович, проводи.

Вскоре Якубовский вернулся и присел за стол, где Волков допивал дорогой коньяк.

– Скажи, Федя, у тебя жертвы перед глазами не стоят?

Опьяневший Волков рассмеялся и сказал:

– Баба, жена купца. Я бы ее с удовольствием подмял. Шикарная женщина, Леонид.

– И у тебя не дрогнула рука убить ее?

– Нет.

– И ты будешь спокойно спать?

– Я бы предпочел с Машкой, но где ее взять? Может, это и к лучшему? Отдохну как следует, и кошмары, если это ты имел в виду, Ленья, мне сниться не будут.

– Ты железный человек, Федор.

– А то! Да еще и упакованный деньгами. Должок отдать?

– Ты о мелочи, которую я давал тебе? Не надо. Курилов заплатил мне. Моя доля весьма скромна. Но мне и этого хватит. А ты заработал свои деньги. Я бы не смог.

– Ты уже говорил об этом. – Волков потянулся. – Ну вот, и коньяком побаловались, и деньжатами обзавелись. Теперь можно и на боковую. А завтра, Ленья, надо будет подумать, как доехать до Москвы.

– А чего думать? На поезде.

– С билетом поможешь?

– Курилова придется привлекать. Теперь он тебе не откажет.

– Ладно, определимся. Я спать!

Волков уснул сразу же, в отличие от Якубовского, который маялся весь остаток ночи и сумел задремать, когда солнце уже поднялось над городом.

Глава 2

Москва встретила Волкова нудным мелким дождем. От вокзала Федор на извозчике доехал до дома, в котором жил раньше с Адиной Глозман. Одна половинка ворот была открыта. Во дворе с замком своей каморки возился постаревший Евсей.

«Надо же, – подумал Федор, – прижился тут крепко мужик. А куда ему еще идти? Тут и крыша над головой, и работа, пусть копеечная, но постоянная. Подвыпившие и припозднившиеся жильцы ночью на водку монетку бросят».

Волков неслышно, как это он умел, подошел к дворнику и рявкнул ему в самое ухо:
– Сломался, что ли, замок, Евсей?

Тот вздрогнул, выронил перочинный нож, резко оглянулся и вжал голову в плечи, словно ожидал удара.

Волков усмехнулся:

– Так что у тебя за беда, Евсей?

Дворник открыл рот от удивления:

– Федор Алексеевич? Вы?

– А что? Сильно изменился?

– Узнать можно. Я слышал, на каторгу вас осудили, да?

– Не здесь о том разговаривать. А ну-ка, что с замком?

– Да заклинил. Ключ вставишь, а он не поворачивается. Днем все нормально было, а вот сейчас!..

– погоди, дай гляну. – Волков осмотрел замок, взял металлический прут, стоявший на лестнице в углу, сломал дужку. – Этот выброси, новый купи.

– Да на что же, Федор Алексеевич? В кармане ни копейки нет.

– Найдем тебе денег. Водка на хате есть?

Дворник вздохнул:

– Откуда? Третий день на сухую. Хозяин оштрафовал за то, что ночью пьяным был, не вышел дверь открыть жильцу из третьего подъезда. Не только водки, но и жратвы нормальной в каморке нет.

Волков достал из кармана пиджака три рубля:

– Держи! Водки возьми, закуски, папирос.

– Так это мы мигом, Федор Алексеевич. А вы в комнату заходите. Тесно там, но чисто. Я как раз прибрался и полы помыл. А я быстро, Федор Алексеевич!

– Давай, меньше говори, больше делай. Только белогловку возьми. Две бутылки.

– Ага! – Дворник мигом собрал отмычки, зубило, другой инструмент, схватил холщовую сумку и трусой убрался со двора.

Волков спустился в полуподвал, где обитал дворник. Маленькое помещение разделено на две части. В первой прихожая, кухонька, во второй – старый топчан, стол, табурет, стул, шкаф на стене, глухие шторы, лампочка на длинном проводе. Убого, но чисто. Трое суток трезвости не прошли даром. На столе лук, соленые огурцы, черствый хлеб. Рядом бумага и кисет с махоркой.

Вскоре объявился дворник. Он выставил на стол две бутылки белогловки, выложил копченую рыбу, кусок колбасы, отварную курицу, свежий хлеб, пачку папирос и оставшуюся мелочь.

– Вот, Федор Алексеевич, что смог. В трактире пришлось брать, лавки-то закрыты.

– Ладно, – отмахнулся Волков. – Мелочь себе оставь.

– Спасибо, благодетель. Как вы пропали, скучно тут стало. Никто на полстакана не даст. Бросят три копейки, как собаке, и будь доволен.

– А что за хозяин тут появился? – спросил Волков. – Раньше тебе каждый квартирант платил, такая договоренность была.

– Так это раньше, а нынче за порядком отставной жандарм следит. Он после вас в соседнем доме квартиру купил и договорился с жильцами, что будет блюсти их покой, содержать в порядке дом да двор. Люди ему платят, а он где только может копейку сшибает. Ремонт фасада давеча затеял. Деньги собрал, рабочих нанял и с каждого жильца по пять рублей взял. А меня вообще гнобит. Ты, говорит, морда разбойничья, радуйся, что еще не выгнал. Штрафует за всякую мелочь. Уйду я отсель. Тут недалеко мужик один из дворников в деревню обратно собирается. На его место пойду. А что делать, Федор Алексеевич? Хотя и привык тут, но сил терпеть жандарма этого больше нет.

– Понятно, – проговорил Волков. – Наливай, Евсей, выпьем за встречу. А заявится твой хозяин, разберемся с ним.

– Нынче не явится. Хворь его свалила. С утра доктор к нему ходил, а потом в аптеку меня посылал, сказал, что простудился сильно жандарм наш. Вот только не пойму, где это он летом так умудрился.

– Ну и черт с ним. Наливай!

– Это мы мигом, Федор Алексеевич. – Дворник разлил водку по кружкам.

Они выпили. Волков руками разорвал курицу, стал впихивать в рот большие куски. За день он проголодался.

Не уступал ему и Евсей.

Собутыльники перекусили, выпили еще по одной, закурили. Комнатушка быстро наполнилась дымом. Евсей открыл форточку.

Волков, пуская дым кольцами, спросил:

– А что с моей квартирой и лавкой, Евсей? Так опечатанными и стоят?

Дворник не без удивления посмотрел на него и спросил:

– А разве вы имущество свое не продали?

– С чего ты взял, что я мог его продать?

– Ну, как же. Господин доктор говорил, что купил у вас квартиру и лавку. Внизу у него сейчас кабинет.

– Какой доктор? – Федор прищурил глаза, хотя уже догадался, кто мог быть этим самым покупателем.

Дворник затушил папиросу и сказал:

– Господин Рохер Герман Анатольевич.

– Рохер?! – проговорил Волков. – Сволочь, воспользовался-таки моментом.

– А что? Не продавали?..

– Евсей, тебя это не касается. Наливай еще. – Волков выпил, прошелся по комнате. – Но как, черт побери, ему это удалось?

– Чего, Федор Алексеевич?

Федор взглянул на дворника:

– Ничего, Евсей. Значит, господин Рохер теперь в моей квартире живет?

– Точно так, Федор Алексеевич. С женой, Маргаритой Андреевной. Красивая, но больно уж брезгливая женщина. На меня, как на клопа, смотрит. С ними дочь Людмила. Та на курсы какие-то ходит, ее все студент провожает до угла, мальчишка еще. В мать пошла, такая же стервоза. Жена в доме и хозяйничает, потому как она дочь известного банкира Волынского. Тот сюда раз приезжал, жандарм так и гнулся перед ним. Меня же до того заставил весь двор вылизать. Поговаривают, Волынский этот вхож и к градоначальнику, и к губернатору. Большой человек, богатый.

– Так чего он тогда для дочери своей лучших апартаментов не нашел? Сам-то, поди, в особняке живет?

Дворник нагнулся к Волкову и прошептал:

– Слышал я, Федор Алексеевич, гулящая дочь у Волынского. Еще до замужества с офицерами вовсю крутила. Вот папаша и пристроил ее за доктора. А дочь вроде и не Рохера. Хотя кто его знает.

– Ты мне интересную новость сообщил. Чего я не ожидал, так этого.

– Извиняйте, Федор Алексеевич, не со зла, а как есть.

– За что извиняешься? За правду? Да и не виноват ты предо мной ничем. Скажи, а сейчас семья Рохера дома?

– Только Герман Анатольевич. Супружница его с дочкой намерены на экипаже за город уехали.

– За город? К Волынскому?

– Нет, вроде на дачу к кому-то.

– Значит, Герман дома один. Это очень хорошо.

– Уж не думаете ли вы о грехе, Федор Алексеевич? – спросил дворник.

– А это, Евсей, смотря что за грех считать. – Волков недобро усмехнулся.

– Ну, посчитаться с доктором.

– Ты не волнуйся, я его не убью, просто поговорю. Если, конечно, Герман Анатольевич не выкинет какой-нибудь крендель. Тогда... но в любом случае для полиции меня здесь не было, ты никого постороннего не пускал. И со стола убери, чтобы все, как прежде, было.

– Сделаю, Федор Алексеевич.

– Послушай, а чего ты один-то живешь, до сих пор не приткнулся к какой-нибудь вдовушке?

– Кому я нужен, Федор Алексеевич. Да и года уж не те, чтобы бабу иметь.

– Понятно. Ты выйди, глянь, нет ли кого во дворе.

– Ага. – Дворник вышел на улицу, пробыл там недолго, вернулся и доложил: – Никого, Федор Алексеевич.

– Ну и хорошо. Пойду, встречусь со старым знакомым.

– Господи, спаси и сохрани! – Дворник перекрестился.

Волков вышел из дворничьей, прошмыгнул в подъезд, поднялся на второй этаж, крутанул кольцо. Внутри послышался звон, похожий на скрежет.

Вскоре раздался голос Рохера:

– Кто там?

– Полиция! Открывайте!

– Полиция? – удивился Рохер, открыл дверь и тут же застыл в ступоре, кое-как проговорив непослушным ртом: – Вы?

– Я! – Волков отодвинул Рохера от двери, захлопнул ее за собой. – Узнал, Герман Анатольевич?

– Господин Волков, – прошептал Рохер. – Федор Алексеевич... Но этого не может быть!

– Как видишь, доктор, может. Ну, давай, приглашай в гостиную, поговорим.

– А?! Да, конечно, проходите, я все объясню!

– Конечно, объяснишь, Герман Анатольевич. Ведь ты же не хочешь умереть?

– Что? Умереть?

– Ступай вперед! – приказал Волков.

Растерянный доктор в домашнем халате на непослушных ногах прошел в гостиную и сел на диван. Он сдвинул колени, положил на них руки и испуганно глядел на неожиданного гостя.

Волков устроился в кресле, пододвинул пепельницу, прикурив папиросу.

– Почему ты так удивился, увидев меня, Герман? Ведь знал же, что осужден я на десять лет без конфискации имущества, значит, рано или поздно, но вернусь. Хотя это вопрос второстепенный. Прежде всего я хочу знать, что ты делаешь в моем доме! Помнится, мы разговор

о продаже квартиры и лавки до конца так и не довели. Арест в Петербурге помешал. Другими словами, какого черта ты делаешь здесь? Кто дал тебе право занимать чужое жилище? Вот на это ты сперва мне ответь, Герман Анатольевич. А я послушаю. Прошу не дергаться и не поднимать шума, только себе хуже сделаешь. Давай, я весь во внимании.

– Да-да, я все объясню! О вашем аресте я узнал буквально на следующий день. Здесь проводился обыск, а потом квартиру и лавку опечатали. Тогда я подумал еще, как вам не повезло.

Волков усмехнулся:

– Пожалел?

– Но мы же были, можно сказать, товарищами.

– Даже компаньонами. Правда, несостоявшимися. Ну да ладно, пожалел ты меня, и что дальше?

– Потом узнал, что вас осудили на десять лет поселения. Удивился, почему так много за одно лишь участие в революционной организации. Вон депутаты, которые в Выборге против государя выступили, всего по два-три месяца получили. А тут целых десять лет.

– Ты давай ближе к теме, Герман. Кто, на сколько, за что – все это теперь не имеет никакого значения.

– Имеет, Федор Алексеевич. Моя супруга – дочь Андрея Георгиевича Волынского...

Волков вновь недобро усмехнулся:

– Я знаю, кто у тебя жена, что у вас есть дочь, слышал, будто не твоя она, но это без разницы. Однако мне плевать на все это. Ты отвечай на вопросы, а не виляй хвостом, чтобы мне не пришлось укоротить его.

Рохер нервно икнул.

– Я не виляю и не хочу выставлять напоказ влияние тестя. Просто это он сыграл решающую роль в том, что ваша квартира перешла ко мне.

– Да? И как это ему удалось?

– Точно не знаю, Федор Алексеевич. Он тогда подыскивал нам и жилье, и помещение под практику. Я всего лишь сказал, что ваш дом очень удобен. Вы готовы были продать его мне, но сделке помешал арест. Он тут же за это зацепился. Мол, квартира и лавка будут нашими. Потом через высокопоставленных друзей оформил от вашего имени доверенность или акт купли-продажи. Не знаю. Но вопрос решил. Я, слово мужчины, был против этого, но сделать ничего не мог. Честное благородное, пытался узнать, где вы отбывали наказание, однако мне таких данных не предоставили.

Волков посмотрел на бывшего домашнего врача и спросил:

– А зачем ты хотел найти меня? Неужели деньги заплатить?

– Хотя бы в известность вас поставить поначалу. А потом постепенно и деньги выплатить.

Федор встал, прошелся по гостиной, пнул ногой резной стул, который отлетел к окну.

– Да какой ты мужчина, Герман? Слизняк, подкаблучник у жены, которая тебе на каждом шагу рога наставляет. Волынский сплавил тебе дочь-шлюху, а ты и рад. Считаю, что мой дом пошел в ее приданое. Я никаких бумаг насчет квартиры и лавки не подписывал. А ведь продал бы недорого, если бы ты ко мне по-человечески. Нет, решил использовать момент и связи Волынского.

– Но я, Федор Алексеевич, здесь ни при чем!

– Не брешь, пес! Все ты знал и подсказал тестю, что можно задарма заполучить дом и лавку. Вы думали, я не вернусь, сдохну на поселении. А если выживу и начну требовать возврата имущества, так Волынский быстро решит этот вопрос. У него и в полиции наверняка дружки сидят. Так что организовать арест, ложное обвинение, договориться с защитником, судьей – пара пустяков. Значит, как приедет Федор Волков искать справедливость, так хлебнет ее вдоволь и отправится обратно в места не столь отдаленные, только теперь уже навсегда. Или,

чтобы особо не тратиться, получит нож в сердце прямо на улице. И никаких проблем. Так, сволочь? – повысил голос Волков.

Рохер замахал руками:

– Нет-нет, что вы, Федор Алексеевич! У нас и в помине такой мысли не было. Я говорил Андрею Георгиевичу, что вы вернетесь и затребуете свое имущество обратно. Он только посмеялся, сказал, дескать, ты получил дом с кабинетом? Вот и работай, корми семью. А все остальное – моя забота. Что я мог ему ответить?

– Конечно, сам Волынский!.. Ладно, хватит пустых разговоров. Мы можем разойтись мирно. Тебя надо было бы наказать за паскудство, но обойдемся.

Рохер взглянул на Волкова:

– Как мирно, Федор Алексеевич?

– Очень просто. Здесь и сейчас ты платишь мне тридцать тысяч рублей за квартиру, десять – за лавку и пять – за моральный ущерб. Итого сорок пять тысяч. Можно золотом, драгоценностями. Со мной сидел на поселении проворовавшийся ювелир, научил оценивать и колечки, и камушки. Да и не станешь ты покупать бижутерию. Вернее, жена твоя. В общем, ты выкладываешь сорок пять тысяч, и я ухожу. Больше мы никогда, надеюсь, не увидимся, по крайней мере я искать такой встречи не буду. Уеду далеко, туда, где никому, в том числе и твоему тестюшке, меня не достать.

– Но в доме нет таких средств! – воскликнул Рохер.

– Значит, мирно не получится. Деньги и золотишко у тебя есть. Отдавать не хочется, а придется. Может, и не наберешь нужную сумму, но твои мучения и смерть вполне компенсируют этот недостаток.

– Что? Вы намерены убить меня?

– А что мне остается делать, Герман? – Волков притворно вздохнул. – Не сразу, конечно, сначала свяжу, засуну в пасть кляп. – Он достал из кармана нож. – А потом начну кромсать тебя на куски. Сначала отрежу уши. Хотя нет. – Волков рассмеялся. – Первым делом я спилю тебе рога, которые наставила супруга, потом возьмусь за уши, пальцы. Ты лишишься глаз, мужского достоинства. Сдохнешь – заберу, что найду. В любом случае, Герман, я пустым не уйду. Так что подумай. У тебя на это три минуты, как раз выкурить папиросу. Хорошо поразмысли. Ты меня знаешь, я не привык шутить. Сказал – сделаю. – Не сводя глаз с побледневшего Рохера, Волков достал папиросу.

Выкурив ее, он бросил мундштук в пепельницу и заявил:

– Время вышло, Герман. Что скажешь?

Рохер опустил голову:

– Деньги дома есть, но всего двадцать тысяч. Мы собирались дачу в Подмоскovie купить.

– Хорошую же дачу ты себе хочешь. Добротный дом у самой Москвы, у реки, в живописном месте стоит не дороже пятисот рублей. А ты за двадцать тысяч. Это не дача выйдет, усадьба целая.

– Поверьте, Федор Алексеевич, это не моя прихоть. У меня работа круглый год, а Маргарите Андреевне летом в Москве душно.

– Конечно. В усадьбе и любовников проще принимать.

– Да что вы все о неверности Маргариты говорите?

– А разве я не прав?

– Правы или нет, но это вас не касается.

– Пока ты не рассчитаешься, все, что касается тебя, важно и для меня. Признаюсь, Герман, мне доставляет удовольствие то, что жена наставляет тебе рога, а ты сопишь в платочек, мучаешься, однако ничего сделать не можешь. И это только начало, дальше хуже будет. Дойдет до того, что уважаемая Маргарита Андреевна прямо сюда мужиков начнет приводить, а тебя провожать в кабинет. Мне известны такие шалавы.

- Прошу вас, перестаньте, – чуть ли не взмолился Рохер.
- Ладно, мы действительно ушли от темы. Значит, в доме есть двадцать тысяч рублей?
- Да.
- Голову даю на отсечение, Герман, что, когда начну резать тебе уши, ты найдешь еще тысяч десять.
- Больше наличности в доме нет.
- Проверим!
- Рохер испуганно отполз на край дивана:
- Что вы хотите делать?
- То, что и обещал. Буду потихоньку, аккуратно резать тебя. Так, кляп из твоих носков получится неплохой, а вот как быть с веревкой? Шнуры разноцветные на портъере! Они вполне подойдут.
- Я буду кричать!
- И сразу же получишь в морду. Я разобью твою физиономию, вышибу зубы, чтобы ты мог только шамкать. Я, Герман, в отличие от тебя занимался этим не один раз. Для меня убить человека – все одно что клопа придавить. Начнем проверку правдивости твоих слов?
- Не надо! У меня есть еще пять тысяч. Но это, Федор Алексеевич, клянусь, все.
- Ты знаешь, Герман, я как-то привык сомневаться в людях, а вот тебе сейчас верю. Двадцать пять тысяч нашли. Это хорошо, но мало.
- Но в доме больше нет ни копейки, я не обманываю.
- Верю, Герман. Денег в доме, кроме указанной суммы, нет, но есть драгоценности жены, разные безделушки.
- Рохер прижал руки к груди:
- Федор Алексеевич, только не украшения жены! Маргарита за них меня со свету сживет.
- Не сживет, если будешь делать все по уму.
- Как это?
- Тебе же и за ассигнации достанется, так?
- Скажу, дал в долг. Мол, коллеге срочно понадобились деньги, через две-три недели вернет. Конечно, Маргарита устроит скандал, но не более. Я же потом перезайму, кое-что есть и на счете, о котором жена не догадывается. С деньгами вопрос решу, но с драгоценностями Маргариты я бессилен. Она просто пинками выгонит меня на улицу.
- Волков усмехнулся:
- Ну и жизнь у вас! Послушать, так лучше повеситься. Ты можешь организовать вызов от клиента?
- В смысле?..
- В прямом! Но клиента надежного, который подтвердил бы, что ему действительно стало плохо и он посылал за тобой?
- В принципе могу. С одним таким мы часто втайне от семьи играем в покер. Он болен...
- Не важно, чем болен твой клиент. Значит, вызов ты организовать можешь.
- Да, но я не понимаю, что он даст.
- То, что тебя пару часов не будет дома.
- Но зачем?
- Затем, чтобы в дом забрались грабители.
- Грабители?
- Волков укоризненно покачал головой.
- Вот что значит быть слизнякам. Неужто до сих пор не допер, что самый лучший выход для тебя – ограбление квартиры?
- Ограбление, – тихо проговорил Рохер и ненадолго задумался. – Это выход, но откуда возьмутся грабители?

– Жизни ты не знаешь, доктор. Ступай в ночлежку. Там всяких темных личностей пропасть. Они разделяют эту хату под орех – не узнаешь. Правда, пока будут работать, придется тебе посидеть у них.

– Зачем?

– Для страховки. Если твое предложение окажется подставой и кого-то из грабителей загребет полиция, то тебя зарежут в отместку. Посидишь у лихих людей, наведаешься к клиенту, а потом вернешься домой. Увидишь, что квартира вскрыта, вызовешь полицию, позволишь тестюшке, можешь и жену обрадовать. И все! Полиция задержит дворника, но ничего не накопает против него и отпустит. Грабителей не найдут, потому как они еще до твоего заявления уберутся из Москвы. На тебя никто и не подумает. Зачем красть у самого себя? Конечно, разбойники кроме денег, которые ты заплатишь им за грабеж, прихватят из квартиры еще что-нибудь, мебель дорогую поломают, но ничего. Новую купишь. С дачкой подсобит тестюшка. Живи дальше по-прежнему.

– Но как я найду нужных людей? Приду в ночлежку и крикну: эй, мол, кто желает подзаработать деньги на грабеже моей квартиры?

– Говорю же, не знаешь ты жизни. Только объявись в ночлежке, тебя лихие люди сами в оборот возьмут.

– Да?

– Да! Только не психуй, води себя спокойно и говори с мужиками строго. Помни, ты хозяин положения, а они всего лишь исполнители заказа. Если разбойники почуют слабость, то худо тебе придется. Могут и хату взять, и тебя кончить! Но это вряд ли. В общем, я идею тебе подал, поступай как знаешь, а сейчас давай-ка рассчитаемся!

Рохер отдал Волкову двадцать пять тысяч и шкатулку с драгоценностями жены, которые тянули примерно тысяч на пять. Это удовлетворило Волкова.

Рохер попросил:

– Федор Алексеевич, может, грабителями займетесь вы? Вам все-таки привычней иметь дело с подобной публикой.

– Может, мне самому и ограбить квартиру? Нет уж, Герман, я свое почти получил, остальное делай сам. У меня нет никакого желания тебя отмазывать. А насчет привычки – так все когда-то приходится делать впервые. Сейчас провернешь дело с ограблением, потом, глядишь, надоест терпеть гулянки жены. Будешь знать, как с ней вопрос решить. Набирайся опыта жизни, доктор.

– Боюсь я!

– О жене подумай. Как она сорвется, узнав, что ты забрал не только деньги, но и ее драгоценности.

– Об этом думать еще страшнее. Но вы сказали, что свое почти получили. Почему «почти»?

Федор посмотрел на Рохера и спросил:

– В гостиной ремонт делали, как вселились в квартиру?

– Небольшой. Супруга что-то по мелочам изменила.

– Я вижу, что здесь все другое, спрашиваю о серьезном ремонте. В частности, камин трогали?

– Нет, не трогали, зачем? Он в прекрасном состоянии.

Волков изобразил улыбку, больше похожую на звериный оскал.

– Очень хорошо. – Он подошел к камину, кочергой подцепил плитку, оторвал ее, вытащил еще две, затем достал из образовавшейся ниши небольшую сумку, заглянул в нее и проговорил: – Кажется, все в порядке. Вот и славно. Что, Герман, удивлен?

– Так у вас в камине был тайник?

– Как видишь. Сумка теперь маловата. Саквояж есть?

– Конечно.

– Я не о том спрашиваю, в котором ты свои лекарства и прочую медицинскую ерунду таскаешь. Другой свободный саквояж есть?

– Есть. Позавчера только купил на смену старому.

– Где он?

– В кабинете.

– Пошли!

– Я и сам могу принести.

– Пошли, говорю. Пока я не уйду, ты будешь сопровождать меня.

– Ну хорошо, пойдёмте.

Волков забрал саквояж, в который были уложены экспроприированные деньги и ценности, а также собственные сбережения, и прошёл в прихожую. Рохер послушно следовал за ним.

У выхода бывший ссыльный взглянул на доктора и заявил:

– Я ухожу. Ты, Герман, сидишь дома ровно двадцать минут, а потом начинаешь действовать. Понял?

– Понял, – поникшим голосом ответил Рохер.

– Двадцать минут, доктор. В ночлежке води себя так, как я сказал. Все.

Волков аккуратно закрыл за собой дверь, выбрался во двор, зашел в дворницкую.

Евсей ждал его.

– Ну и как, Федор Алексеевич, поговорили с доктором?

– Конечно, поговорил.

– И что он? Живой или как?

– Живой. Ты вот что, Евсей, скоро Рохер должен уйти, а позже сюда наведаются чужие люди. Не надо, чтобы ты их видел.

– Как же такое возможно? Не пускать во двор чужаков – моя обязанность.

– У тебя баба знакомая есть?

– Говорил же, Федор Алексеевич, без надобности она мне. Хотя есть землячка, Лизуха, недалеко комнату снимает.

– Так вот, ты вечером закроешь ворота и ступай к ней.

– Зачем?

– Чтобы чужих людей не видеть. Как хочешь, но задержишься у нее подольше. Или прогонит?

– Нет, не прогонит.

– Отлично. Посидишь у нее подольше и возвращайся. Если ворота будут сломаны, сразу полицию не вызывай, дождись, пока это сделает Рохер.

Дворник махнул рукой:

– Ничего не понимаю.

– Нынче квартиру Рохера ограбят. По крайней мере должны. Тебе проблемы с полицией нужны?

– Ух ты! Ограбят. Мне проблемы не нужны, но от них никуда не деться.

– Ерунда. Тебе смогут предъявить только то, что ты ушел со двора. Это не преступление.

– А квартира как же?

– Рохер знает все. Он и должен организовать ограбление.

– Совсем голова идет кругом. Нельзя мне оставлять двор. А вдруг запоздалый постоялец объявится?

– А калитка для чего? Ее оставь открытой. Можешь же ты, в конце концов, женщину навестить?

– В том-то и дело, что не могу.

– Тогда грабители убьют тебя.

– Ну уж нет! Теперь я предупрежден. Как только кто из чужаков объявится, сразу сообщу Быкову, а тот вызовет полицию.

– Хороший ты мужик, Евсей, но дурак.

– И не уговаривай, Федор Алексеевич, пост свой не оставлю. Так нельзя.

– Говорю же, дурак. Ладно, Евсей, дело твое. Но насчет меня крепко помни: не видел.

– За это не беспокойтесь, Федор Алексеевич.

– Держи, выпьешь утром, когда все закончится. – Волков передал дворнику еще три рубля. – Прощай, Евсей.

– Прощайте, Федор Алексеевич. Спасибо вам.

– Все же я на твоём месте ушел бы.

– Не могу.

Волков вышел со двора. Он шел по темной улице к дому, который стоял в квартале от его бывшего жилища. Федор знал, что там он безо всяких разговоров и ненужных вопросов снимет до утра комнату и даже бабу в придачу, но сегодня ему было не до них. Переночевать – и вон из Москвы.

Он понимал, что упрямство дворника не закончится ничем хорошим. Рохер найдет людей, которые пойдут на грабеж, но жизнь не спасет, если этих орлов возьмет полиция. А она их повяжет, если Евсей предупредит жандарма. Тогда Рохеру не жить. Его зарежут, как свинью, перед этим обобрав до нитки.

Федор не хотел об этом думать. Свое дело он сделал и был доволен.

Волков снял комнату, как и рассчитывал, без каких-либо проблем, а рано утром выехал из Москвы. Судьбы Рохера и Евсея его больше не интересовали. Были они в его жизни, сейчас нет. А на нет и суда нет!

Федор благополучно добрался до Екатеринбурга, где сразу же снял отдельную квартиру недалеко от Якубовского. Уже через неделю он возглавил боевую группу революционной организации, предварительно обговорив с Куриловым все условия.

20 августа 1906 года император пригласил в Царское Село председателя Совета министров. Прошла неделя с момента покушения на Столыпина на Аптекарском острове. Петр Аркадьевич уже на следующий день вернулся к повседневной работе. Зная об этом, Николай и пригласил Столыпина в Александровский дворец.

– Как ваши близкие после покушения? – осведомился император.

– Благодарю за участие, государь. Состояние дочери Натальи и сына Аркадия стабильное.

– Мне докладывали, что ваша дочь получила тяжелые ранения ног.

– Да. Поначалу врачи делали неутешительный прогноз, не исключали кардинальных мер, то есть ампутацию. Сейчас милостью Божьей этот вопрос снят. Хирургам удалось буквально по частям собрать ноги девочки.

– Да, террор – явление страшное. Не могу я понять этих самоубийц! Ведь они идут на убийства, в большинстве случаев жертвуя собой. Если не погибают на месте, то принимают приговор суда спокойно. А ведь это смертная казнь! Что движет этими людьми, готовыми пожертвовать собой ради достижения целей, поставленных перед ними главарями всевозможных террористических банд?

– Идея, государь! Точно так же идут на смерть солдаты и офицеры, верные присяге. Они умирают за идею, – ответил Столыпин.

– Вы, Петр Аркадьевич, сравнили героев с преступниками.

– Нет, я никого не сравниваю, просто отвечаю на ваш вопрос. Руководителям революционных организаций удастся так замутить мозги молодым людям, психика которых еще не окрепла, что те считают высшей доблестью умереть за идею, какой бы бредовой она ни была. Потому-то и трудно бороться с терроризмом. Хотя слабое звено в нем есть. Сами руководители особо не стремятся расстаться с жизнью. В отличие, если вернуться к началу диалога, от

генералов и офицеров армии и флота. Посему залог успеха в борьбе с террористами заключен в обезглавливании преступных организаций. Этим сейчас активно занимается Министерство внутренних дел.

– Что ж, вы правы. Как говорится, рыба гниет с головы. Теперь давайте обсудим другие насущные проблемы. Нам необходимо провести выборы во Вторую Государственную думу. Каково ваше мнение на этот счет? Следует ли их проводить по старой системе, или сначала надо издать закон о новом порядке выборов, который при вашем активном участии может быть подготовлен достаточно быстро?

– Если честно, ваше величество, то я вообще не проводил бы выборов и отказался от парламентаризма. Но, увы, сейчас это уже невозможно, так как даст в руки революционеров мощное средство противодействия самодержавию. Не исключено, что именно такого решения и ждут самые радикальные партии и организации. Нам же просто жизненно необходимо до конца погасить революцию, которая не дает управлять страной. Я считаю, что Вторую Государственную думу надо избирать по старой системе. Почему? Она дает возможность участия в выборах практически всем партиям, движениям, организациям. Правым, левым, умеренным, национальным, крестьянским. Мы уже имеем опыт работы с такой Думой, раздираемой внутренними противоречиями, но объединенной целью борьбы с правительством. При этом за вами, государь, остается право решающего голоса и роспуска Думы. Новые выборы при старой системе, уверен, приведут к тому, что мы получим еще более радикальную Думу. Да, в выборах не смогут участвовать так называемые фигуранты Выборгского дела. Но если левые партии проигнорировали первые выборы, то сейчас они непременно пойдут на них и создадут серьезную конкуренцию кадетам и трудовикам.

– Но зачем нам повторение прежних ошибок? – спросил государь.

– Противоречия между партиями и организациями и противодействие правительству, которое только усилится, сыграют нам на руку. Они дискредитируют себя. Мы поможем им в этом. Идея парламентаризма не будет такой популярной, она утратит часть своих сторонников. Правительство найдет повод для роспуска и Второй Государственной думы. Более того, мы попытаемся извлечь из этого максимальную выгоду для государства. Тогда и наступит время нового избирательного закона, который позволит нам наконец-то получить тот законодательный орган, который будет работать на благо страны, а не на чьи-то политические интересы.

Николай Второй улыбнулся и заявил:

– Ваши рассуждения и предложения смахивают на провокацию.

– Самым эффективным методом борьбы с терроризмом и революционной чумой является использование их же оружия. Но я предлагаю не провокацию, а вполне обоснованную, вынужденную и необходимую для государства программу действий.

– Значит, по-вашему, закон о выборах принимать преждевременно?

– Преждевременно, ваше величество. Его надо издать в тот же день, когда будет распущена Вторая Государственная дума.

– Вы говорите так, словно видите, что будущая Дума непременно станет противодействовать правительству.

– И не только правительству, но и самодержавию в целом. Это обуславливается, как я уже говорил, участием в выборах социалистических партий. Они могут серьезно пододвинуть кадетов и трудовиков. Их главная цель нам известна: это свержение самодержавия.

– Открыто об этом они не объявляют.

– Еще бы! Это будет сделано, когда придет их время, если мы такое допустим. К сожалению, эти партии имеют довольно весомый уровень поддержки у избирателей. Прикрыть их одним махом, спокойно, без угрозы новых мощных революционных вспышек, не удастся. А вот выдавить из большой политики законным путем вполне реально. К тому же, опять возвращаясь к началу разговора, правительству не нужны потрясения именно сейчас, в процессе

подготовки и проведения выборов. А это несомненно произойдет, если мы выпустим новый закон о выборах.

Император взял со стола коробку папирос, прикурил.

– Пожалуйста, яснее, Петр Аркадьевич.

– Подготовка и сами выборы займут не менее шести месяцев. В это время правительство сможет работать относительно спокойно. У него есть право принимать неотложные решения без утверждения законодательным собранием в перерыве между роспуском одной Думы и созывом другой, а также во время каникул депутатов. Я уверен, за полгода мы сможем сделать многое.

– Петр Аркадьевич, вы принадлежите к потомственному помещичьему дворянству. Стоило ожидать, что вам особенно близки интересы своего сословия. Но происходит нечто другое. Почему?

Председатель Совета министров кивнул:

– Я понял суть вопроса и отвечаю на него. К сожалению, сейчас помещики уже не играют той роли, что прежде. Некоторые имения сравнимы с наделом крестьянской семьи. Крупные земельные владения чаще принадлежат купцам и зажиточным крестьянам, нежели дворянству.

– Но вы резко отрицательно относитесь к идее насильственного отчуждения помещичьих земель, которые практически заросли бурьяном.

– Точно так. Данная мера подорвет принцип частной собственности. Я считаю, что его нельзя нарушать. Наоборот, именно он должен лежать в основе аграрной реформы. После того как император Александр Второй отменил крепостное право, крестьяне получили возможность пользования наделами, но не владения ими. В итоге резко возросла роль общины. Ведь именно она распределяла наделы, и делала это не всегда справедливо. На моей памяти, уже в годы вашего правления, имело место несколько случаев несправедливого распределения земли. Один из них был описан в жалобе, полученной мной, когда я был саратовским губернатором. Крестьянин писал, что он добросовестно ухаживал за своей землей, удобрял навозом, хорошо обрабатывал, в результате получил отменный урожай. А у соседа, лентяя, но кума старосты, дела не пошли, хлеба уродилось мало. Ему бы как следует взяться за работу, а нет, он решает идти другим путем. Обращается к куму, и тот при очередном переделе отдает свояку плодородные земли, облитые потом добросовестного крестьянина, который получает необработанную полосу. И на покосах то же самое. Дают крестьянину болото. Он работает, отводит воду, чистит поле, убирает кочки, получает сено, а как передел – ему снова место на болоте. Разве это справедливо? Нет. И таких случаев очень много. Чего ж тут удивляться, если из таких общин люди бегут в города, где, в принципе, их никто не ждет, кроме организаций революционеров-террористов? Получается, что мы сами своей непродуманной политикой в аграрной области пополняем ряды противников власти.

Николай вновь прошелся по кабинету, прикурил очередную папиросу.

– Все это так, Петр Аркадьевич, но община, которая формировалась долгое время, имеет и положительные стороны. В ней всегда была сильна взаимовыручка. Община поддерживала семью умершего крестьянина, строила дома, как говорится, всем миром. Она несла ответственность за недоимки каждого крестьянина. Внутри общины невозможно было полностью разориться, хотя, надо признать, и разбогатеть тоже. Для русской интеллигенции община – святыня. Консерваторы видят в ней исторические истоки нашего государства.

Столыпин, считавший общину пережитком прошлого, заявил:

– В то же время она совершенно лишает крестьян личной инициативы, стимула для качественной работы. Зачем удобрять почву, если через год-два ты вновь получишь новую землю и весь труд пойдет насмарку? Мой дядя Дмитрий Столыпин в конце прошлого века серьезно изучал положение российского крестьянства. Уже тогда он пришел к выводу, что община сдерживает развитие сельского хозяйства. Постоянные переделы земли не дают крестьянину вво-

дить какие-то улучшения. Ведь надел находится только во временном его пользовании и на следующий год может перейти к другому хозяину.

– Я в курсе, какие именно обстоятельства стали причиной вашего негативного отношения к общине. Известно мне и то, что вы сторонник хуторского, скажем так, хозяйства. Вы не одиноки в таком отношении к общинным порядкам. Вас поддерживают и другие государственные деятели. Кстати, они, не буду сейчас перечислять титулы и фамилии, высказались против общины задолго до того, как вы возглавили Саратовскую губернию. Хорошо, готовьте проект указа, я подумаю, посоветуюсь, приму решение. Все же упразднение общины – это шаг, который надо тщательно продумать. Продолжайте работу по реализации реформ, предложенных вами. Естественно, можете во всем полагаться на мою поддержку.

На следующий день Столыпин созвал Совет министров и огласил планы реформации аграрной политики России. Однако члены кабинета не были готовы поддержать председателя.

На очередном заседании 10 октября министр финансов Коковцов выступил против инициативы Столыпина. Он предложил дождаться выборов и передать данный вопрос на усмотрение Государственной думы второго созыва.

Столыпин же и несколько министров продолжали настаивать на немедленном издании указа. Они понимали, что новая Дума вряд ли пойдет на упразднение общины либо затянет рассмотрение данного вопроса, тем самым серьезно затормозит начавшиеся реформы.

Было решено вынести вопрос на усмотрение императора. Министры-консерваторы помнили положительные отзывы царя об общине и надеялись, что Николай Второй займет их сторону. Но произошло обратное. 9 ноября 1906 года государь согласился с предложением Петра Аркадьевича.

Текст указа подготовил товарищ министра внутренних дел Владимир Иосифович Гурко. Этот документ имел название «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования».

По указу земледелец мог получить свой надел в собственность и имел право выйти из общины. Указ 9 ноября 1906 года стал началом кардинального преобразования сельского хозяйства.

Избирательная кампания в Государственную думу второго созыва началась в конце ноября. Как и предполагал Столыпин, на этот раз крайние левые партии не стали игнорировать выборы. За места в Думе боролись самые разные политические силы, в том числе социал-демократы и эсеры.

Выборы в Государственную думу второго созыва проходили по тем же правилам, что и в первую, многоступенчато, по куриям – особым разрядам, на которые делились избиратели по имущественному, национальному и другим признакам. Революция постепенно затухала, хотя крестьянскими волнениями были охвачены многие губернии. На этом фоне и шла кампания.

Всего было избрано пятьсот восемнадцать депутатов, из них только тридцать два являлись членами Первой Государственной думы. Самое большое представительство получили трудовики – крестьянская партия. От них ненамного отстали кадеты. Неожиданно треть голосов взяли социалисты. Немного меньше мест досталось октябристам и монархистам. Во Вторую Государственную думу вошли пятьдесят беспартийных депутатов, а также представители казачества, автономистов и национальных движений. Председателем Думы был избран Федор Алексеевич Головин, член партии конституционных демократов.

Открытие Второй Государственной думы прошло весьма буднично. Торжественный молебен состоялся 20 февраля 1907 года, тогда же прошло и первое заседание. Как и ожидалось, Дума продолжала пытаться влиять на деятельность правительства. Она оказалась еще более радикальной, нежели Первая.

10 мая 1907 года председатель Совета министров попытался добиться поддержки депутатами аграрной реформы. Столыпин прекрасно понимал, что левое большинство откажет ему.

Тем не менее он считал необходимым довести до Думы основные направления политики правительства по данному вопросу.

Свою речь Петр Аркадьевич завершил словами, которые высечены на постаменте его памятника:

«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия».

Спустя неделю после этого заседания председатель Совета министров встретился с императором. Николай принял Столыпина в рабочем кабинете Александровского дворца в Царском Селе.

После взаимных приветствий император задал прямой вопрос:

– Что по Государственной думе, Петр Аркадьевич?

Столыпин ответил:

– Как и ожидалось, депутаты практически блокируют работу правительства. Кадеты проявляют уступчивость, но делают это только ради того, чтобы избежать роспуска Думы.

– И что вы предлагаете?

– Поднять вопрос о принятии чрезвычайных мер против революционеров. Это вызовет бурные прения. Особенно яростно будут протестовать социал-демократы и социалисты-революционеры. Это объяснимо. Ведь цель левых партий – свержение самодержавия. Я воспользуюсь этим вопросом, и у вас будут все основания для роспуска Думы.

Николай Второй улыбнулся и осведомился:

– Третью Думу тоже будем распускать, не дав ей поработать и одной сессии?

– Думаю, что она наконец-то станет именно тем законодательным органом, который нам необходим.

– Проект нового избирательного закона готов?

– Да, ваше величество. Он со мной.

– Оставьте, я посмотрю.

– Да, конечно. – Столыпин достал из портфеля документ и положил его на край рабочего стола императора.

– Когда вы намерены поднять вопрос о чрезвычайных мерах против революционеров?

– На ближайшем заседании Думы, ваше величество.

– Хорошо. Действуйте, Петр Аркадьевич!

Одновременно с аграрной реформой Столыпин провел еще несколько важных преобразований. Были приняты указы о свободе старообрядческих общин, об ограничении рабочего времени и о воскресном выходном дне для приказчиков, о разрешении обучения на польском языке в частном порядке.

Весной 1907 года правительство вынесло на рассмотрение Думы вопрос о принятии чрезвычайных мер в отношении революционеров и террористов. Рассмотрение данного вопроса состоялось 17 мая. Большинство депутатов Думы проголосовало против предложения Столыпина. Особенно громко протестовали представители левых партий.

Председатель Совета министров предвидел подобное сопротивление. Он заявил, что неповиновение не устраивает правительство. Столыпин поторопил сотрудников Министерства внутренних дел, которые втайне от Думы и общественности занимались разработкой нового избирательного закона.

1 июня Петр Аркадьевич прибыл в Государственную думу и попросил провести закрытое заседание. На нем он потребовал снятия депутатской неприкосновенности со всех членов фракции социал-демократов, обвинив их в подготовке заговора против самодержавия, императора и его семьи.

Кадеты оказались в крайне затруднительном положении, чего и добивался Столыпин. Они не могли выступить против, так как желали не допустить роспуска Думы. С другой стороны, доказательства заговора, которые представили следователи, казались спорными и относились не ко всем депутатам от социал-демократов.

Дума решила передать дело в комиссию. Та проработала два неполных дня и никаких выводов не сделала.

2 июня состоялось последнее заседание Государственной думы второго созыва. На обсуждение выносился вопрос о местном суде. Левые фракции потребовали изменить повестку дня и остановиться на обсуждении доказательств заговора с целью проведения государственного переворота. Также они хотели пересмотреть бюджет и отменить все законы, проведенные правительством в обход Думы. Предлагалось принять обращение к народу. Но представитель комиссии по вопросу о снятии депутатской неприкосновенности доложил, что доклад по этому вопросу не готов.

Петр Аркадьевич покинул зал заседаний.

На следующий день, 3 июня 1907 года, император подписал манифест о роспуске Государственной думы второго созыва и о введении в действие нового избирательного закона. Тогда же полиция провела аресты депутатов от социал-демократической партии, теперь уже бывших.

Общество восприняло роспуск Думы спокойно. Не было никаких демонстраций, попыток организовать забастовки.

Новый избирательный закон основывался на опыте выборов в предыдущие Думы и имел единственную цель – создать такое народное представительство, которое работало бы вместе с правительством. Закон никого не лишал избирательного права, но существенно менял представительство и влияние отдельных групп населения.

Положения нового закона значительно урезали права отдельных слоев общества. Так, число представителей в Думе от крестьянства уменьшалось почти в два раза, от рабочих – немногим больше, от Польши – втрое. Народы Средней Азии и Сибири теряли право представительства в новой Думе.

3 июня стало завершением первой русской революции.

Выборы в Третью Государственную думу проходили осенью. Больше всех голосов получили октябристы, за ними шли умеренно правые и националисты, потом кадеты и крайние левые. Большинство голосов, необходимое для принятия законов, могло быть получено при едином выступлении октябристов с правыми депутатами или с кадетами.

Октябристы в целом поддерживали политику правительства. Столыпин мог путем различных политических комбинаций проводить через Думу нужные решения.

Сессия Третьей Государственной думы открылась 1 ноября в спокойной, деловой обстановке без торжественных мероприятий. Председателем был избран октябрист Николай Александрович Хомяков.

Во внешней политике России в эти годы произошли весьма заметные перемены. До 1906 года Россия ориентировалась на союз с Францией, дружественные отношения с Германией, исполнение соглашений по балканским делам с Австрией, соперничество с Англией практически по всем направлениям и открытую вражду с Японией.

Английские либералы, пришедшие к власти в начале 1906 года, были настроены пересмотреть прежнюю политику. Причиной тому стало усилившееся соперничество с Германией.

Для налаживания отношений в мае 1906 года в Санкт-Петербург прибыл английский посол, сэр Артур Никольсон. Поначалу он рассчитывал на поддержку конституционно-демократической партии, но скоро понял, что дела надо вести не с Думой, а со Столыпиным.

Необходимо отметить, что император не желал кардинальных перемен во внутренней политике России ради приобретения симпатий Англии.

Переговоры касались Афганистана, Персии и Тибета. До войны с Японией Россия активно работала в Гималаях. Используя хорошие отношения с далай-ламой – теократическим правителем Тибета, Петербург противодействовал влиянию Лондона в этой стране, лишь формально входившей в состав Китая.

В Афганистане интересы России и Англии сталкивались давно. В царствование Александра Третьего дело едва не дошло до большой войны. Афганистан являлся страной, захват которой открывал России путь в Индию.

В Персии (Иране) Англия постоянно противилась влиянию России. Британцы всеми возможными способами препятствовали постройке русских железных дорог, которые соединили бы нашу страну с Персидским заливом.

Английские либералы предложили значительные уступки. Если в Афганистане Англия сохраняла позиции, то в Тибете готова была отказаться от всяких преимуществ. В Персии же России предлагалось влияние по всей северной части, самой плодородной и населенной.

Переговоры велись более года. Во Франции они вызвали удовлетворение, в Германии – естественное беспокойство, несмотря на то что Россия была занята решением внутренних проблем.

Весной 1907 года было подписано соглашение между Францией и Японией. Спустя несколько месяцев российский император и микадо тоже разрешили все спорные вопросы, связанные с окончанием войны.

Германия не могла оставаться в стороне.

21 июля на рейде в Свинемюнде прошла встреча Николая с Вильгельмом. Кайзер на словах не имел ничего против соглашения России с Англией, но отношения двух держав заметно охладели.

Николай Второй не желал, чтобы соглашение с Англией стало причиной раздора с Германией, но и остановить начавшийся процесс сближения с Англией уже не мог, да и не желал. Таким образом, к лету 1908 года обозначился союз России, Франции и Англии.

Но вернемся к внутренним проблемам.

Земельная реформа в России проводилась без утверждения в Думе, велением государя. С 1 января 1907 года крестьяне получили законное право свободного выхода из общин и оформления личной собственности на землю.

Важной составной частью аграрной реформы Столыпина являлось переселение крестьян на новые земли, в Сибирь, на Дальний Восток, Северный Кавказ. Эта политика имела две цели. Она должна была, во-первых, снизить социальное напряжение в европейской части России, во-вторых, способствовать освоению незаселенных огромных сибирских просторов. Имело значение и решение задачи по утверждению русского влияния на Дальнем Востоке.

В период с 1906 по 1916 год в Сибирь выехало более трех миллионов человек. Их силами были распаханы пустующие земли, построены города. Большинство переселенцев смогло укорениться на новых местах, обзавестись куда более крупным и крепким, нежели на родине, хозяйством.

Активная деятельность императора по-прежнему омрачалась болезнью цесаревича Алексея. Малейшая травма приводила к невыносимым страданиям наследника престола.

В конце 1907 года, находясь с семьей в Царском Селе, Алексей, которому к тому времени исполнилось три с половиной года, гулял в парке. Как произошло так, что мальчик случайно упал, не могли объяснить сопровождавшие его лица.

Впрочем, поначалу всем казалось, что ничего страшного не произошло. Цесаревич не заплакал, на ноге у него почти не было ссадин. Только через несколько часов ребенка скрутила боль. Доктора поставили диагноз – внутреннее кровоотечение. Для цесаревича, больного гемофилией, это, по сути, означало смертный приговор.

Императрица металась по дворцу, не зная, что делать. Она сообщила о несчастье мужу, и Николай тут же прибыл к сыну. Александра Федоровна позвонила великой княгине Ольге Александровне, и та тотчас же приехала в Царское Село.

Император все еще надеялся на докторов, но те только разводили руками. Они ничего не могли сделать. Цесаревич умирал.

Алексей страдал невыносимо, темные круги легли вокруг глаз, тело съежилось, нога распухла. Надежда на спасение таяла с каждой минутой.

Тогда Александра Федоровна вспомнила о Распутине. Год назад у Алексея пошла носом кровь, и он сумел остановить ее.

– Нам нужен Распутин. Только в нем спасение наследника! – крикнула мать и бросилась к телефону.

Распутин оказался дома, в Петербурге.

Выслушав императрицу, он сказал:

– Успокойся. Я все знаю, еду!

На улице стемнело. Николай вышел из спальни сына, не в силах сдерживать слезы.

– Наш Алексей умирает. Боже! За что? – Государь бессильно опустил в кресло, забыв о своих папиросах и обо всем на свете.

Сейчас перед ним стояли глаза сына, полные боли и страдания. Отец отдал бы жизнь за то, чтобы болезнь отступила, но это было невозможно.

Александра Федоровна на коленях молилась пред иконостасом. Великая княгиня Ольга плакала.

Кто-то из прислуги тихо проговорил:

– Надо бы священника позвать.

Это взбесило Николая.

– Все вон! – крикнул он.

Прислуга и доктора ушли.

Настенные часы пробили полночь.

В это время в апартаменты вошел Распутин. В обычной одежде, с сумкой, спокойный, сосредоточенный.

Императрица бросилась к нему:

– Григорий! Молю, спаси Алешу! Все, что хочешь, получишь, Гриша!

– Сказал, успокойся. Я здесь, значит, цесаревич не умрет.

Николай подошел к старцу:

– Ты спасешь сына, Гриша? Скажи, ведь спасешь?

– Я же говорил, цесаревич будет жить.

– Если ты спасешь сына, то проси, что хочешь.

– Эх, Николай, ты царь великой державы, умнейший человек, а одного понять не можешь. Не надо мне никаких благ. У меня есть все, что мне нужно. Меня к тебе Господь послал, а разве за милость Божью платят? Молитесь. В спальню к цесаревичу не входите и никого туда не пускайте. Утром сам выйду. – Распутин прошел в спальню, прикрыл за собой двери.

Время тянулось очень медленно. Императрица молилась до тех пор, пока силы не покинули ее. Великая княгиня Ольга помогла Александре Федоровне подняться и сесть на диван.

Император, не находя себе места, бродил по комнате и курил одну папиросу за другой. Потом он перешел в кабинет. Николай не мог видеть страдания жены, хотя его собственное сердце готово было разорваться от душевных мучений.

Он вспомнил рождение Алексея, сильную радость, полученную при известии о том, что императрица благополучно разрешилась мальчиком. Затем у цесаревича появились признаки наследственной болезни, и страх сменил радость. Много вспомнил российский император, пока за окном не забрезжил рассвет.

Он вернулся в апартаменты. Александра Федоровна сидела на диване, глядя в одну точку. Ее губы едва заметно шевелились. Императрица молилась.

Рядом с ней находился доктор Дервянко.

При появлении императора он поднялся и сказал:

– Я дал государыне успокаивающее. Может быть, и вам, ваше величество?..

– Ничего не надо. Да и какой толк от ваших таблеток, Владимир Николаевич?! Алексей страдает, а вы не можете остановить приступ. Зачем мне ваше успокоительное? Боже, как же медленно тянется время. – Император указал на великую княгиню Ольгу, дремавшую в кресле, и приказал: – Проводите ее в комнаты. Ей-то чего маяться?

– Хорошо, ваше величество. – Дервянко увел княгиню.

Часы пробили шесть. От их ударов Николай вздрогнул. Они показались ему траурным звоном колокола.

Очнулась и Александра Федоровна.

Через несколько минут из спальни цесаревича вышел Распутин. Ворот рубахи нараспашку, рукава закатаны, лицо бледное как снег, в глазах чрезмерная усталость и... спокойствие. Все то же, которое император отметил в глазах старца по приезде.

Николай и Александра бросились к нему:

– Что?..

Распутин отошел в сторону.

– Идите, посмотрите сами.

Первой в спальню буквально ворвалась Александра Федоровна и остановилась на полпути, не веря своим глазам.

Алексей сидел в кровати и улыбался.

Придя в себя, императрица бросилась к сыну:

– Леша, дорогой мой мальчик, что у тебя болит?

– Уже ничего.

Ребенок выглядел вполне здоровым, боли явно не мучили его, глаза светились детской чистотой и ясностью.

Николай опустил голову, вышел в большую комнату, шагнул к Распутину:

– Ты спас сына, Григорий. Теперь я твой вечный должник, спасибо.

Распутин улыбнулся:

– Не меня благодари, Николай, а Бога.

– Да, конечно. – Николай Александрович истово перекрестился.

– Покормите цесаревича. Потом пусть поспит и погуляет, воздухом свежим подышит, – проговорил Григорий. – А я с твоего, государь, позволения поеду к себе. Устал, отдохну.

– Я распоряжусь подать свой экипаж.

– Не надо. Не по чину. На чем приехал, на том и уеду.

– Хорошо, езжай, но слова мои помни.

– Я все помню, государь, и плохое, и хорошее. Но и ты крепко знай, что, пока я жив, ни с Алексеем, ни с кем-то другим из твоей семьи ничего страшного не случится. Такова воля Господа.

Николай попрощался с Распутиным и вернулся в спальню. Прибежала великая княгиня Ольга и тоже оторопела от увиденного.

Распутин вышел в коридор, где его ждал Дервянко.

– Григорий Ефимович, не могу не спросить, как вам удалось это?

Распутин вздохнул:

– Я уже не раз это говорил! В том, что болезнь удастся усмирить, не моя заслуга, а Господа Бога.

– Я слышал это. И все же? Неужели вы помогли цесаревичу одними молитвами?

– А разве этого мало? Все мы в руках Божьих. Только Он решает, кому жить, кому нет. Главное, чтобы Господь услышал молитву. Тогда Он обязательно окажет милость.

– Но я видел какую-то жидкость. Что вы давали ребенку?

– Отвар дубовой коры.

– И только?

– Да.

– Но мы тоже давали Алексею различные отвары, пользуясь рецептами народной медицины. Из дубовой коры в том числе.

– Что ты хочешь услышать в ответ? Почему я могу то, чего не сделаете вы, ученые доктора? На это у меня ответа нет. Просто могу, вот и все. Но ты извини, доктор, мне домой надо.

Распутин вышел со двора и уехал в Петербург.

Проводив его взглядом, Деревянко проговорил:

– Но этого просто не может быть!

Однако Распутин умирил болезнь. Ему и в дальнейшем не раз удавалось спасти наследника. Мог ли сам старец объяснить, как ему удастся справиться с неизлечимой болезнью? На это ответа уже не даст никто.

Слухи о поистине чудотворных способностях Григория заполнили не только великосветские салоны. Весь Петербург говорил о них. Люди смотрели на Распутина как на человека особенного, всемогущего. После этой ночи положение старца в царской семье укрепились настолько, что он стал называть Николая папкой, а императрицу – мамкой.

Выздоровление цесаревича, естественно, позитивно подействовало на императора. Уверовав в слова старца, он с новыми силами продолжил работу по управлению великим государством.

Переселение в Сибирь, на Дальний Восток и Северный Кавказ набирало обороты. Этому способствовало и то, что крестьяне ехали к новым местам по льготным тарифам. Дети до десяти лет перевозились бесплатно.

В 1910 году начала сказываться острая нехватка транспортных средств для переселенцев. По предложению Столыпина железнодорожники стали оборудовать специальные вагоны. Это были обычные теплушки, переделанные из товарных вагонов. Понятно, что теплушками они назывались из-за чугунных печек, затапливаемых в них в зимнее время.

Вагон делился на две части. Одну из них занимали люди, другую – домашняя скотина. Эти вагоны получили название столыпинских.

Такие теплушки активно использовались и во время Первой мировой войны. В них размещались восемь лошадей или до сорока солдат.

Для перевозки заключенных столыпинские вагоны стали применяться уже после трагической кончины Петра Аркадьевича. Соответственно, он не имел к ним никакого отношения.

Переселенцы на новых местах опять попадали в общины. Ведь на Сибирь и Дальний Восток действие указа от 9 ноября 1906 года не распространялось.

Это не являлось упущением правительства. Данная мера позволяла государству перемещать сотни тысяч переселенцев равномерно и упорядоченно, избегать хаоса и столкновений между людьми. К тому же сибирская община сильно отличалась от той, что существовала в европейской части России. Сохранив позитивные качества, такие, как взаимопомощь, совместное обустройство, она отвергала перераспределение земли. Однако с увеличением количества переселенцев общинные порядки стали принимать прежнюю форму.

В августе 1910 года Петр Аркадьевич Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием Александр Васильевич Кривошеин совершили поездку по Западной Сибири. За три недели они посетили четыре губернии.

Во время поездки Столыпин поднял вопрос о том, что в стране сложилась ненормальная ситуация. По одну сторону Урала действовал закон, отменивший общину, а по другую – оставляющий прежние порядки в неприкосновенности. Возвратившись в Петербург, председатель Совета министров доложил об этом императору.

Но Петру Аркадьевичу не суждено было довести до конца дело введения частной собственности в Сибири. Третья Государственная дума не успела рассмотреть соответствующие законопроекты. Потом в связи с начавшейся войной вопрос был отложен.

Пока же, возвращаясь в столицу, Столыпин был полон решимости устранить существенный пробел в законе от 9 ноября 1906 года.

В целом для государства наступило долгожданное успокоение. Кровавая террористическая смута практически прекратилась.

Столыпин чувствовал себя спокойно. Никаких данных о покушениях, готовящихся на него, в полицию не поступало. Но это, к сожалению, не означало, что революционеры-террористы, которые ненавидели Столыпина, оставили свои изверские планы.

21 сентября 1910 года, во время праздника воздухоплавания, на квартиру семьи Клевиных приехал известный в Петербурге пилот, капитан корпуса корабельных инженеров Лев Мациевич. Он и Эдуард Николаевич Клевин познакомились на собрании местной организации партии социалистов-революционеров. Не сказать чтобы они дружили, но отношения поддерживали, тем более что пилоту очень нравилась жена Клевина, Надежда Сергеевна, которая была не прочь принимать от него знаки повышенного внимания.

Его собственная семейная жизнь оказалась непростой. В городе поговаривали, что супруга известного пилота Александра Анатольевна погуливает. В результате чего скандалы в семье не были редкостью, хотя никаких доказательств измены жены Мациевич не имел.

Он одновременно и ревновал собственную супругу, и пытался ухаживать за Надеждой, которая была моложе мужа на двадцать лет. Ей, как и Мациевичу, исполнилось тридцать пять.

Капитана встретил Клевин.

– Добрый вечер, Лев Макарович! Благодарю, что не оставили без внимания мое приглашение. Проходите, пожалуйста.

Офицер держал за спиной букет. Когда появилась супруга Клевина, он преподнес ей цветы.

Надежда немного смутилась, но приняла презент и проворковала:

– Спасибо, Лев Макарович.

Капитан повернулся к Клевику:

– Надеюсь, вы не имеете ничего против подобного знака внимания вашей супруге?

– Нет, Лев Макарович, но лучше в дальнейшем обойтись без них.

– Вы консервативны.

– Я ревнив точно так же, как и вы. Поверьте, когда вам исполнится пятьдесят пять лет, вы поймете, что жизнь далеко не закончена и самое прекрасное еще впереди. Так устроен человек, и ничего с этим не поделаешь.

Клевин попросил супругу оставить их. Надежда с букетом цветов ушла в свою комнату. Клевин же проводил Мациевича в гостиную, где они устроились в удобных креслах.

– С чем связано ваше приглашение, Эдуард Николаевич?

– А вы что же, не рады ему? По-моему, напротив. По-вашему, я не замечаю, как вы смотрите на мою супругу?

– Эдуард Николаевич, это пошло, в конце концов.

– Согласен. Давайте сменим тему. Я пригласил вас к себе не потому, что мне лично этого очень хотелось. Владимир Семенович попросил меня поговорить с вами.

– Владимир Семенович? – удивился Мациевич.

– Да.

Капитан знал, что загадочный Владимир Семенович возглавлял местное отделение партии эсеров и входил в ее высшее руководство, но никогда его не видел. Даже фамилия Владимира Семеновича была ему неизвестна. Впрочем, имя и отчество наверняка являлись псевдонимом.

– И о чем вас просил переговорить со мной уважаемый Владимир Семенович?

– Для начала несколько вопросов.

– Слушаю.

– Места пилота и пассажира в аэроплане оборудованы ремнями безопасности?

– Нет.

– Вопрос следующий: аэроплан может в полете сделать крен в какую-либо сторону?

– Конечно, при развороте например. Кроме того, на нем можно делать различные фигуры, которые также вызывают крены. Но для чего это вам?

– У нас проходит праздник воздухоплавания, и вы принимаете в нем участие.

– Ну и что?

– Праздник намерен посетить председатель Совета министров. Наверняка он будет осматривать аэропланы. Вам следует предложить господину Столыпину совершить полет вместе с вами.

Мациевич удивленно посмотрел на Клевина:

– Предложить главе правительства подняться в воздух?

– Именно. Владимир Семенович не сомневается, что Столыпин не откажется.

– Допустим. Но зачем Владимиру Семеновичу надо, чтобы я поднял в воздух Столыпина?

– А вы еще не поняли?

– Нет.

– Я же напрямую задавал вам вопросы.

– Подождите!.. Во время полета, если он, конечно, состоится, мне предлагается сбросить председателя Совета министров на землю, не так ли?

– Точно так, Лев Макарович. В этом не будет ничего странного. Произойдет несчастный случай. В какой-то момент аэроплан накренится так, что пассажир выпадет из него.

– Но это же убийство!

Лицо Клевина приняло жестокое выражение. Глаза его смотрели на пилота с холодом.

– Это приказ партии. У нас появилась возможность избавить государство от Столыпина, и мы не имеем права не воспользоваться ею. Хочу сразу предупредить вас, Лев Макарович, отказ не принимается.

– Даже так? А если я все-таки откажусь?

Клевин перешел на зловещий шепот:

– Тогда организация вынесет вам смертный приговор. Он будет утвержден и приведен в исполнение еще быстрее, если вы решите передать наш разговор полиции или кому-то из своих знакомых.

– Вы считаете, что можете ставить мне жесткие условия?

– Так считает Владимир Семенович. Я по-дружески советовал бы вам не играть с огнем, а сделать то, что требуется.

– А если Столыпин откажется лететь со мной?

– Это уже другая ситуация. Но многое будет зависеть от вас. Будьте уверены, мы узнаем, предлагали ли вы Столыпину совместный полет или нет.

– Да уж, в стукачах организация дефицита не имеет.

– Не в стукачах, Лев Макарович, а в агентах, добровольных помощниках, которые видят свое будущее без гнета самодержавия.

Мациевич поднялся:

– Это все, о чем вы хотели поговорить?

– Да. – Выражение лица Клевина изменилось, стало добродушным, человеческим. – Теперь предлагаю отужинать вместе. Надежда приготовила отменную форель. Выпьем немного хорошего вина.

– Благодарю, я уже ужинал.

– Тогда позвольте проводить вас.

– Прихожую я найду и сам.

– Нет, так не положено, гостя принято встречать и провожать.

В этот же день император принял в Царском Селе старшего офицера по особым поручениям полковника князя Покровского. На этой встрече речь тоже шла о празднике воздухоплавания. Николай Второй, в общем-то, находился в хорошем расположении духа, но гостю было заметно, что что-то все-таки тревожит его.

Государь сам объяснил Покровскому, что является причиной этого беспокойства:

– Вам известно, Алексей Евгеньевич, что с 8 сентября у нас проводится праздник воздухоплавания. Завтра в нем примет участие Столыпин. Агенты охранного отделения доложили, что революционеры готовят покушение на Петра Аркадьевича именно во время праздника. Подробности заговора неизвестны...

– Извините, ваше величество, что перебиваю, но у меня возникли вопросы, ответы на которые хочется получить немедленно.

– Да, пожалуйста.

– Сам Петр Аркадьевич оповещен о готовящемся покушении?

– Конечно. Ему первому доложили об этом.

– И Столыпин не отказался от участия в празднике?

– Нет. Петр Аркадьевич считает, и я с ним согласен, что отмена его участия в празднике вызовет много ненужных разговоров, слухов, пересудов.

– Но это же мелочь по сравнению с угрозой.

– Да, мелочь. Однако следует исходить из того, что завтра Столыпин будет на празднике. Он возьмет с собой усиленную охрану. На трибунах среди зрителей будут размещены агенты. Кроме Столыпина, в празднике примут участие председатель Государственной думы, военный министр и члены императорского дома. Но цель террористов, повторяю, – Столыпин.

– Я понял, ваше величество. Что надо сделать мне и моим офицерам?

– Я хотел бы, чтобы вы с вашими верными людьми находились рядом с Петром Аркадьевичем и не подпускали к нему подозрительных посторонних лиц на расстояние выстрела или броска бомбы. В принципе, этим же самым будут заняты и жандармы, но вы должны, если можно так выразиться, организовать последний рубеж защиты.

– Мне все ясно. Ваше приказание будет выполнено. В случае необходимости офицеры группы прикроют Петра Аркадьевича собой. Но согласится ли Столыпин терпеть нас около себя? Мне хорошо известен его характер.

– На этот счет я отдельно поговорю с ним.

– Один вопрос, ваше величество.

– Да, князь.

– Группе сопровождать Столыпина от дворца или встретить у въезда на аэродром?

– Встретьте у въезда.

– Слушаюсь. Больше вопросов нет. Разрешите приступить к выполнению приказа?

23 сентября председатель правительства прибыл на аэродром.

Встретив Покровского, он улыбнулся:

– Здравствуйте, Алексей Евгеньевич! Рад видеть вас.

– Здравствуйте, Петр Аркадьевич!

– Не дает государь вам покоя.

– Такая у нас служба.

– Ну что ж, исполняйте свои обязанности. Хотя признаюсь, считаю предосторожности императора излишними.

– Я по собственному опыту знаю, Петр Аркадьевич, что предосторожность никогда лишней не бывает. Я, с вашего позволения, буду находиться непосредственно рядом с вами.

– Запретить не могу, князь.

Столыпин начал обходить аэропланы и приветствовать пилотов. Офицеры Покровского рассредоточились так, что контролировали все подходы к площадке и в любой момент могли отразить нападение террористов либо прикрыть собой главу правительства.

Но тут произошло то, чего не ожидал никто.

Когда Столыпин поравнялся с Мациевичем, тот внезапно предложил главе правительства совершить полет.

Это было столь неожиданно, что Столыпину пришлось принимать решение немедленно. Он согласился, хотя мог бы сослаться на болезнь сердца.

Князь Покровский не знал, что делать. Силком препятствовать посадке Столыпина в «Фарман» он не имел права. Отговаривать Петра Аркадьевича было поздно.

Столыпин взглянул на Покровского:

– Не беспокойтесь, князь. Лев Макарович – офицер, а это значит, что он не способен на подлость.

К главе правительства подошел начальник департамента полиции, но Столыпин не стал слушать и его.

«Фарман» поднялся в воздух. За полетом следили тысячи глаз, в том числе и Клевина. Он ждал, когда Мациевич проведет воздушный маневр и сбросит ненавистного Столыпина на землю.

Но ничего подобного не случилось.

Аэроплан сделал круг и благополучно приземлился.

– Не желаете ли еще раз подняться в воздух? – поинтересовался Мациевич.

– Нет, благодарю, – ответил Столыпин. – Мне хватило впечатлений и от одного полета. У вас прекрасная профессия, Лев Макарович. Это что-то необыкновенное – видеть землю с высоты птичьего полета.

Капитан рассмеялся:

– Вы правы.

К пилоту и Столыпину подошел полковник Покровский:

– Извините, ваше высокопревосходительство, надеюсь, сегодня вы больше рисковать собой не будете?

– К чему официальность, Алексей Евгеньевич? Вы не ждали, что я поднимусь в воздух? Так и я не собирался этого делать. Не хмурьтесь. Ведь все обошлось. Я и вам советую полетать. Это незабываемые ощущения.

– Как-нибудь в другой раз. Сегодня мне приказано сопровождать вас. Я не выполнил приказ, значит, должен уйти в отставку.

– Да бросьте, Алексей Евгеньевич. При всем желании у вас не хватает полномочий менять мои решения. А посему приказ императора был заведомо невыполнимым.

К Столыпину подошел генерал Курков:

– Петр Аркадьевич, государь ждет вас в Царском Селе.

– Уже доложили о полете?

Генерал пожал плечами:

– Я к этому отношения не имею.

– Без вас добродетелей хватает. – Столыпин повернулся к Покровскому: – Вы со мной, князь?

– Если вы не против. Мне придется объяснять государю, почему я не смог выполнить приказ.

Покровский и Столыпин сели в автомобиль и отправились в Царское Село.

Николай сразу же принял их.

– Что это еще за мальчишество, Петр Аркадьевич? – заявил он.

Столыпин улыбнулся:

– Извините, ваше величество, но я свой поступок мальчишеством не считаю. Да, я мог отказаться от полета, но на трибунах были тысячи людей. Конечно же, тут же прошла бы молва, что председатель правительства испугался лететь на аэроплане, когда другие высокопоставленные чиновники сами просились. Хорошо бы я выглядел в глазах ваших подданных. Представляю заголовки в завтрашних газетах: «Столыпин – трус», «Столыпин испугался». И так далее. К тому же свою роль сыграл и тот факт, что я никак не ожидал, что капитан Мациевич предложит мне полет.

В разговор вступил полковник Покровский:

– Ваше величество, в произошедшем моя вина. Я должен был отговорить Петра Аркадьевича от необдуманного поступка, не выполнил ваш приказ. Посему прошу уволить меня.

– Вот так сразу и отставка? Нет, князь, вы еще послужите Отчизне. Прошу не подавать рапорта, он подписан не будет. – Император посмотрел на Столыпина. – А от вас впредь требую не рисковать попусту.

На следующий день, 24 сентября, на празднике воздухоплавания произошла катастрофа. Ровно в шесть часов вечера выстрел сигнальной пушки известил о завершении летного дня.

«Фарман» Мациевича находился в воздухе. Зрители не расходились, ожидая посадки, и вдруг услышали треск. Аэроплан качнулся. Пилоту удалось выровнять его, однако «Фарман» тут же разломился на части.

Так погиб один из первых российских пилотов, капитан корпуса корабельных инженеров Лев Макарович Мациевич.

Тут же возникли разные версии. Сплетники поговаривали, будто летчик покончил жизнь самоубийством из-за сложных семейных отношений. Другие утверждали, что его гибель явилась наказанием террористов за то, что капитан не убил Столыпина, имея полную возможность это сделать.

Специальная комиссия пришла к выводу, что причина трагедии состояла в том, что аэроплан потерял жесткость из-за разрыва растяжки. Один кусок проволоки попал на винт, который тут же разрушился, другой угодил в мотор.

Когда председателю Совета министров доложили о трагедии, он перекрестился и проговорил:

– Очень жаль. Россия потеряла отличного пилота.

Петр Аркадьевич не верил в то, что Мациевич участвовал в заговоре против него, несмотря на доклады агентов охраны.

Глава 3

В середине августа 1910 года государь с семьей выехал в Германию и провел там два с половиной месяца. Они остановились в Гессене, на родине Александры Федоровны. Это было самое длительное пребывание августейших персон за границей.

Пребывание царской семьи в Германии затягивалось в связи с тем, что Николай желал встретиться с кайзером Вильгельмом для откровенного разговора. Прусский посланник при гессенском дворе барон Иениш отмечал намерения российского императора восстановить прежние дружественные отношения между Германией и Россией. Вильгельм же относился к этому достаточно скептически из-за внешней политики, проводимой Николаем в последние годы.

Немецкие газеты публиковали высокомерные статьи в отношении России, наши отвечали им тем же.

22 октября Николай Второй выехал в Потсдам, где встретился с Вильгельмом. Два дня императоры вели долгие беседы. Они основывались на совпадении монархических интересов и на том, что между Россией и Германией не было прямых противоречий.

Главным достижением переговоров, в которых участвовали и главы внешнеполитических ведомств Сазонов и Бетман-Гольвег, стало устное обязательство монархов придерживаться той политики, которая не направлена друг против друга. Вильгельм, используя ситуацию, попытался внести раскол в Антанту – военный блок Англии, Франции и России, оформившийся еще в 1904–1907 годах. Вильгельм обещал не поощрять агрессии Австрии на Балканах, Николай – не поддерживать политику Англии против Германии на Ближнем Востоке. Это означало поддержание статус-кво, то есть текущего положения дел. В общем, императоры договорились о взаимной сдержанности в случае возникновения англо-германского и русско-австрийского конфликтов.

Следом за беседами монархов переговоры продолжились между главами внешнеполитических ведомств. Но уже на этапе обмена мнениями они зашли в тупик. В результате Россия отказалась от заключения письменного договора с Германией.

Данные переговоры стали последней попыткой Берлина вывести Россию из Антанты. Это оказало свое влияние на правящие круги Великобритании, которые окончательно поддержали курс на войну с Германией.

Николай и Вильгельм публично оценили встречу как удовлетворительную. Российский император ставил обещания кайзера выше письменных обязательств, полагался на слово своего родственника.

В российской печати появились весьма холодные отзывы о Потсдамском соглашении. Некоторые политические деятели проявляли недовольство, говорили, что российские союзнические соглашения потеряли наступательные функции, стали чисто оборонительными. На самом же деле франко-русский блок являлся именно таковым еще со времен правления Александра Третьего. Министр иностранных дел Франции Пишон, отвечая на запросы парламента, заверял, что решения, принятые в Потсдаме, не противоречат союзу России и Франции.

С Лондоном у Петербурга формальных соглашений не было, но Англия, естественно, проявила явное недовольство. Новому послу сэру Джорджу Бьюкенену, прибывшему в Санкт-Петербург в октябре, была поставлена конкретная задача свести к минимуму все последствия встречи в Потсдаме. Сергей Дмитриевич Сазонов призывал политические круги и русскую печать к сдержанности по отношению к Германии.

Переговоры шли, а реорганизация оборонительной системы, основанная на опыте Русско-японской войны, между тем деятельно продолжалась. Еще летом 1910 года был издан высочайший манифест об упразднении нескольких крепостей в Польше и о пересмотре моби-

лизационного плана. Главные районы сосредоточения войск переносились на восток от границы.

Сейчас некоторые историки, военные деятели, известные публицисты называют подобные меры ошибочными. Мол, напротив, необходимо было оставить армию на тех же рубежах обороны, которые были оборудованы еще при императоре Николае Первом.

Что это за рубежи? Первая линия крепостей шла по западной границе Польши. Вторая, с меньшими боевыми возможностями, тянулась от Динамюнде через Ковно и Осовец до Брест-Литовска. Третий рубеж проходил в направлении Киев – Бобруйск – Динабург.

Русские войска должны были бы быть размещены на так называемом Польском выступе. При быстром скоординированном наступлении австрийских и германских войск по нескольким направлениям это привело бы к блокированию русских сил на выступе. При данном развитии событий наша армия в первые же дни войны скорее всего попала бы в ловушку, которую сама себе и приготовила.

Поэтому Николай Второй и проводил реорганизацию оборонительных рубежей. Он считал, что русская армия должна была рассредоточиться вне прямой досягаемости для врага и с подготовленных рубежей, без риска охвата или обхода, вести оборонительные либо наступательные действия. Германская разведка в то время постоянно сообщала в Берлин о том, что русские осуществляют реорганизационные мероприятия, основываясь не на оперативно-тактических, а на чисто стратегических соображениях.

Во внешней политике мировых держав тоже происходили изменения.

Несмотря на недавнюю победу, Япония всеми силами старалась наладить сотрудничество с Россией, дабы не допустить возобновления войны, которая в новых условиях обернулась бы для Токио полным и несомненным поражением. Тогда Страна восходящего солнца утратила бы все, что приобрела в 1904–1905 годах.

Соединенные Штаты Америки заняли позицию, резко враждебную по отношению к политике Токио в Китае. Уже в то время Америка пыталась протянуть свои щупальца куда только можно. Казалось бы, какое Штатам дело до Дальнего Востока? Ан нет. У Вашингтона повсюду свои национальные интересы.

Англия в быстро меняющейся обстановке прилагала все возможные усилия, дабы сохранить союз с Россией. В Лондоне понимали, что единство Петербурга и Берлина будет иметь весьма плачевные последствия для британского льва.

Россия совместно с Японией была заинтересована в недопущении новых конкурентов в Маньчжурию. Когда из США поступило предложение продать маньчжурские железные дороги международной компании, обе державы ответили решительным отказом.

Думская оппозиция выступала против какого-либо сотрудничества с Японией. Однако государь и правительство Столыпина вели иную политику. Летом 1910 года между Россией и Японией было подписано соглашение о сотрудничестве. По сути, это был договор о совместном противодействии другим державам в Китае, основанный на негласном разделении сфер влияния в регионе.

Япония устанавливала контроль над Кореей и Южной Маньчжурией, Россия – над Северной Маньчжурией, Внешней Монголией и даже китайской частью Туркестана, но это уже, как говорится, по возможности.

7 ноября 1910 года скончался Лев Николаевич Толстой. Ему было восемьдесят два года. Произошло это на станции Астапово Рязанской губернии.

Писатель с мировым именем, гордость русской литературы, покинул Ясную Поляну, свою родовую усадьбу. Слишком сильны стали противоречия между учением и личной жизнью гения.

Лев Николаевич не участвовал в политической борьбе, не занимал чью-либо сторону, не стал своим ни для государства, ни для оппозиции. Толстой был отлучен от церкви за богохульство.

Перед властью встала непростая задача: как отнестись к чествованию памяти Толстого? Клерикалы и правые идеологи считали, что православное государство не может воздавать посмертные почести человеку, отлученному от церкви. В то же время смерть такой личности стала тяжелой утратой не только для русского народа.

Государь разрешил эту сложную ситуацию, заявив о том, что он душевно сожалеет о кончине великого писателя, воплотившего в своих творениях образы славных годов русской жизни.

Государственная власть не приняла участия в гражданских похоронах писателя, но и не препятствовала им, хотя это противоречило русским обычаям. Лев Николаевич Толстой был погребен на холме около Ясной Поляны при стечении нескольких тысяч человек, большую часть которых составляла молодежь.

Государственная дума в знак траура, несмотря на протесты правых, прервала заседания.

Смерть Толстого вызвала волнения среди студентов. Впервые с 1905 года в Санкт-Петербурге в течение трех дней проходили уличные демонстрации. Молодежь поддержали рабочие. Революционеры гадали, не начало ли это новых потрясений?

Накануне Рождества волнения пошли на убыль и прекратились сами собой. На провинцию данные события практически не распространились.

В 1910 году возник конфликт между Петербургом и Финляндией по поводу общеимперского законодательства. Столыпину пришлось вернуться на путь 1905 года и провести законопроект об отношениях между конфликтующими сторонами в обход финского сейма. Это вызвало недовольство в Финляндии.

Не оставалась в стороне и Польша. Еще осенью 1909 года П. А. Столыпин поднимал вопросы, касающиеся работы земства в западных губерниях. Эти проблемы встали с новой силой в начале 1911 года. Суть их, если коротко, сводилась к тому, что премьер хотел максимально ослабить польское влияние в этом регионе и увеличить русское.

1 февраля к обсуждению предложений Столыпина приступил Государственный совет. Голосование там прошло 4 марта. Неожиданно для председателя Совета министров решающие моменты были отвергнуты. За такое решение активно агитировали П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов.

Сразу же после голосования Столыпин покинул заседание Государственного совета.

Следующим утром премьер прибыл к императору.

– Что привело вас ко мне? – осведомился государь. – Насколько я помню, на сегодня у нас встреча не была запланирована.

– Я приехал, ваше величество, чтобы сообщить вам о своем решении подать в отставку!

Император изумленно посмотрел на Столыпина:

– Что случилось, Петр Аркадьевич?

– Я вчера был на заседании Государственного совета, который обсуждал вопросы западного земства. Несмотря на ваше ходатайство, решающая статья была отклонена. Инициаторами голосования явились господа Дурново и Трепов. Насколько мне известно, один из главных противников проекта перед этим был принят вами. Следовательно, Трепов получил от вас согласие на подобные действия.

– Вы в чем-то обвиняете меня, Петр Аркадьевич?

– Как можно, ваше величество? Я просто выстраиваю логическую цепь поступков противников проекта.

– Это вам не удастся. Да, я встречался с Владимиром Федоровичем. Он изложил мне свои соображения по поводу обсуждаемого вопроса и спросил, следует ли понимать мое пожелание

как прямой приказ? Что я мог ответить? Естественно, сказал, что члены Государственного совета могут голосовать по совести.

Столыпин покачал головой:

– Правые так и поступили.

– Не думаю, что в данном случае ведется какая-то интрига против правительства или вас лично, – сказал государь. – Скорее члены Совета голосовали так, как было выгодно им в политическом плане. Одни из них, и это известно, противостоят национальным движениям, исходя из общеимперских соображений, другие не желают распространения земства на новые губернии.

– Это так, но Трепов использовал аудиенцию с вами. Он сослался на высочайшую волю для отклонения проекта.

– Но это же частный пример. Я понимаю, что решение Государственного совета задело ваше личное самолюбие, но вам, Столыпину, так реагировать на столь незначительное происшествие, право, не к лицу.

– Да, ваше величество, это частный пример, но он показывает, как Государственный совет может встать между правительством и Государственной думой, сделаться тормозом для реформ. Вчера Совет отклонил один вопрос, завтра зарежет другой, послезавтра третий. Что в итоге? Не берем личности. Во-первых, это удар по престижу председателя Совета министров, всего правительства. Во-вторых, подобная практика может внести такой раздор между ветвями власти, что мы окажемся вновь в ситуации, когда управление государством сильно осложнится из-за чьих-то капризов и гордыни. Вспомните, каково нам приходилось работать с думами первого и второго созывов.

Император улыбнулся:

– Но ведь справились! А сейчас куда проще. Но заявлять об уходе по такому незначительному поводу? Нет, я не могу лишиться Столыпина. И потом, Петр Аркадьевич, чем станет правительство, зависящее от меня, если из-за конфликта с Думой или с Советом будут меняться министры, а главы правительств подавать прошения об отставке? Нет, ничего подобного, Петр Аркадьевич. Успокойтесь, сосредоточьтесь, отбросьте самолюбие и продолжайте работу. Моя поддержка вам обеспечена. Так было всегда.

– Но тогда необходимо пойти на непопулярные меры. Я бы сказал, авантюрные.

Николай с интересом посмотрел на Столыпина:

– Что вы имеете в виду, Петр Аркадьевич?

– Нам надо иметь свободные руки. Предлагаю на несколько дней распустить обе палаты и провести закон о западном земстве именным указом.

Император прошелся по кабинету.

– А вы продумали последствия столь авантюрного предложения? Ведь именно вас Дума осудит за то, что вы склонили меня на подобный шаг.

– Некоторые депутаты, конечно, изобразят возмущение, но в душе все будут довольны. Конфронтация никому не нужна. Тем более когда памятны те события, при которых своих мандатов лишились депутаты Первой и Второй Государственных дум.

Николай обворожительно улыбнулся:

– Хорошо. Я готов согласиться на ваше предложение, но мне надо продумать его. Вот видите, как я ценю вас, Петр Аркадьевич!

– Благодарю, государь, но в таком случае позвольте высказать еще одну мысль.

– Пожалуйста, я слушаю вас.

Столыпин дал оценку действиям членов Государственного совета Трепова и Дурново и попросил государя не только публично осудить их, но и подвергнуть взысканию, которое стало бы уроком на будущее для других.

Император задумался, меряя шагами кабинет, затем повернулся к главе правительства:

– И что же, по-вашему, мог бы сделать я? Какое вы предлагаете взыскание?

Столыпин, не задумываясь, ответил:

– Трепову и Дурново следует предложить выехать из Петербурга и на некоторое время приостановить работу в Государственном совете.

– Неплохо. Вижу, вас сильно задело голосование.

– Не голосование, ваше величество. Вы, конечно же, правы. Каждый имеет право высказать свою точку зрения, но не в вопросах, касающихся судьбы реформ. Не голосование меня задело, а понимание последствий того раскола в управлении государством, к которому вольно или невольно подталкивают названные политики.

– Здесь, Петр Аркадьевич, я ничего обещать не могу. Мне необходимо очень хорошо все обдумать.

На этом аудиенция у государя была закончена.

6 марта Столыпин созвал министров и доложил им о разговоре с государем. Почти все чиновники выслушали доклад молча, лишь двое попытались указать на желательность другого, мягкого подхода к вопросу о Трепове и Дурново.

Столыпин резко ответил на это:

– Примирения пусть ищет тот, кто весьма дорожит своим местом и положением. Я же считаю необходимым поступать честно и достойно.

На этом совещание, собственно, и было закончено. Все ушли, остался министр финансов.

Коковцев высказал собственное мнение по поводу намерений председателя Совета министров:

– Я думаю, Петр Аркадьевич, что предложенные вами меры нежелательны. Дума вряд ли спокойно проглотит это, в прямом смысле слова, насилие. Такое не прощается. Следует ли требовать от государя, чтобы он карал тех, кого принимал во дворце? Я убежден, закон надо проводить нормальным путем, для чего вторично внести его в Государственный совет.

Столыпин ответил:

– У меня, Владимир Николаевич, нет ни времени, ни желания заниматься подобной бюрократией. Я буду рубить клубок противоречий разом, а не разматывать его месяцами.

– Но это неправильно, Петр Аркадьевич.

– Вот когда вы, Владимир Николаевич, станете на мое место, тогда и поступайте как захотите, посчитаете нужным. Пока же председатель правительства я, значит, будет по-моему. Не смею задерживать.

Коковцев удалился ни с чем.

Столыпин твердо стоял на своем. Это не являлось самодурством, упрямством. Нет, просто Петр Столыпин, в отличие от министров, четко знал, что надо государству, а без чего можно и даже нужно обойтись.

Император обдумывал ответ председателю Совета министров четыре дня. 10 марта Петр Аркадьевич был вызван в Царское Село.

В рабочем кабинете Александровского дворца Николай подписал указ о перерыве сессии с 12 по 14 марта и поручил председателю Государственного совета объявить П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову высочайшее повеление выехать из столицы и до конца 1911 года не посещать заседания совета.

Как только указ был опубликован, в обществе начались волнения. Ситуацию усугубило издание закона о западном земстве в обход Думы.

Премьер-министра критиковали все, кто только мог, и лишь националисты высказывались за Столыпина. Ближайшие соратники Петра Аркадьевича предложили распустить и эту Думу, внося новые изменения в избирательный закон. И все же, несмотря ни на что, дело о западном земстве было доведено до конца. Закон остался в силе.

Реакция партий, фракций, отдельных депутатов и членов Государственного совета, осознание того, что в противостояние был втянут император, и ощущение вины за это не могли не повлиять на Столыпина. Он ощущал себя в одиночестве, хотя ни о какой отставке Николай Второй до сих пор не желал даже слышать.

Дождливый сентябрьским вечером у небольшого дома в Париже остановился молодой человек, на вид лет двадцати трех. Он встал под козырек винной лавки, сложил зонт, посмотрел на номер дома. Да, тот самый, на нужной улице.

Молодой человек зашел в подъезд между магазинчиками, поднялся по лестнице на второй этаж. Справа и слева две двери.

Он подошел к квартире слева, аккуратно постучал и почти сразу же услышал мужской голос:

– Кто?

– Аленский Егор Егорович.

Дверь открылась.

– Входите.

В прихожей Аленский, он же Дмитрий Богров, снял дождевик.

– Добрый вечер. Ну и погодка сегодня. Прямо как в Петербурге.

Мужчина лет пятидесяти пяти кивнул:

– Да, погода действительно препаршивая. Проходите в гостиную.

Богров разделся и прошел в довольно большую комнату.

Егор Егорович Лазарев, известный член партии социалистов-революционеров, указал гостю на кресло:

– Здесь будет удобно, но прошу учесть, у меня не так много свободного времени.

Богров заметил кипу бумаг на канцелярском столе и сказал:

– Я не задержу вас.

Лазарев присел в кресло напротив.

– Слушаю вас, господин Аленский.

– Можно просто Дмитрий.

– Хорошо, слушаю вас, Дмитрий.

Богров устроился поудобнее и заявил:

– Я намерен убить Столыпина.

Лазарев рассмеялся:

– И всего-то? Почему сразу не императора? Молодой человек, мне не до шуток. Если...

Богров прервал его:

– Извините, Егор Егорович, но это не шутка. Я действительно намерен убить Столыпина.

– Ну, если это не шутка, то, значит, вы сумасшедший.

– Я в здравом уме, и у меня есть план. На следующий год...

– Вы заглядываете слишком далеко.

– Все же прошу выслушать меня.

Лазарев вздохнул:

– Что ж, выкладывайте свой план.

Богров говорил минут десять и закончил монолог такими словами:

– У меня все получится.

– Допустим, но что вам нужно от меня?

– Не от вас лично, от партии.

– Что конкретно?

– Без сомнения, шансов избежать ареста у меня практически нет. Я буду приговорен к смертной казни. Так вот, я хочу, чтобы после моей смерти партия объявила, что убийство совершено с ведома лиц, руководящих ею. Это начало новой фазы революционного террора.

Лазарев покачал головой:

– План, признаюсь, неплох, но почему, имея возможность попытаться убить императора, вы нацелены на председателя Совета министров?

– Я еврей. Если убью царя, то это обернется трагедией для всего моего народа. Неизбежны погромы. Мне не хотелось бы, чтобы это произошло.

– Не буду вам ничего обещать, Дмитрий. Вы планируете покушение на год вперед. За это время очень многое может измениться. Честно говоря, я не верю, что вам удастся даже приблизиться к такой фигуре, как Столыпин.

– Я сделаю это, – уверенно заявил Богров.

– Давайте договоримся так. Вы когда собираетесь вернуться в Россию?

– В начале следующего года.

– В Петербург?

– Нет, в Киев. Ведь именно там должны развернуться основные события.

– Что вас связывает с Киевом?

– Там я рос, учился. В этом городе живут мои родители.

– Хорошо, как только будете в Киеве, с вами свяжется наш человек. Он представится господином Муравьевым, запомните?

– Да. У меня хорошая память.

– Тогда же с ним и решите вопрос, касающийся вашего намерения.

– Я вас понял. Позвольте откланяться?

– Один вопрос, Дмитрий.

– Да, конечно, я к вашим услугам.

– Сколько вам лет?

– Двадцать три.

– И вы готовы пожертвовать собой ради революции?

– Это уже второй вопрос, но я отвечу. Да, готов. Вы, старый революционер, приверженец беспощадной борьбы с самодержавием, находите это странным?

Лазарев улыбнулся:

– Не такой уж я и старый. Просто меня всегда интересовало, что же служит побудительной причиной самопожертвования. Покушения большей частью не удаются. Их участников ждет суровое наказание, как правило, смертная казнь. Откуда у вас эта ненависть, сжигающая до такой степени, что сама жизнь отходит на второй план? Ведь вы же еще очень молоды.

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Не потому, что я не смогу найти слов. Просто мне до сих пор казалось, что уж вы-то должны сами знать ответ на заданный вопрос.

– Хорошо. В принципе, на таких, как вы, и держится революционное движение. Я провожу вас.

Богров вернулся в Россию в феврале 1911 года и тут же наладил контакты с начальником Киевского охранного отделения подполковником Николаем Николаевичем Кулябко, прерванные из-за отсутствия в стране. Вот уже четыре года Дмитрий Богров являлся секретным агентом охраны.

По крайней мере, так считал Кулябко. У него были на это основания. Богров активно помогал полиции. Им были сданы охранке участники заговора против генерал-губернатора Киевской, Подольской и Волынской губерний Федора Федоровича Трепова-младшего. Не важно, что покушение не состоялось, а заговорщиков не удалось найти. Главное в том, что охранка отчиталась о своей работе.

Богров втерся в такое доверие Кулябко, что тот и предположить не мог, что с ним играют. Слишком уж молод был Богров. Вот агент Аленский и пользовался этим в полной мере.

На 30 августа в Киеве были запланированы большие торжества по случаю открытия памятника Александру Второму в связи с пятидесятилетием отмены им крепостного права. На праздник должны были прибыть император, члены царской семьи, глава правительства, зарубежные гости.

Накануне мероприятия Богров явился к Кулябко. Он, ценный агент охраны, имел на это право.

Начальник отделения принял молодого человека и не слишком любезно спросил:

– Что у тебя, Аленский, за дела ко мне? Опять какой-нибудь заговор? А ты знаешь, что мне пришлось выслушать, когда твоя информация по покушению на генерал-губернатора не подтвердилась?

– В том, что кто-то из ваших людей предупредил заговорщиков, не моя вина.

– Вот как? Значит, у меня в отделении есть предатели, сотрудничающие с террористами?

– Разве это можно исключить, Николай Николаевич?

Кулябко прошелся по кабинету.

– Ты умный человек, Дмитрий, а прикидываешься дурачком. Зачем? Если бы революционеры-заговорщики были предупреждены офицерами отделения, то разве твои приятели оставили бы тебя в живых? Да ты первый пошел бы в расход.

Богров вскинул голову:

– На что вы намекаете, господин подполковник?

Кулябко махнул рукой:

– Ни на что. Говори, с чем пришел на этот раз.

– На меня вчера вышел Муравьев.

– Это тот самый, который не имеет ни имени, ни настоящей фамилии, предпочитает скрываться под псевдонимом?

– Да. Так поступают многие, о чем вам, Николай Николаевич, прекрасно известно.

Начальник Киевского охранного отделения присел в кресло.

– Ну, вышел, что дальше?

– Он спросил, могу ли я срочно подыскать неприметную квартиру для двух товарищей из Петербурга. Я ответил, что в этом нет никаких трудностей.

– Что за товарищи?

– Мне пока известно, что одного из них зовут Николай Яковлевич.

– Он тоже не имеет фамилии?

– Мне ее не назвали.

– И что интересного в этом для меня?

– То, что этот Николай Яковлевич с товарищем намерены совершить покушение на государя.

– Что? – Кулябко приподнялся с кресла. – Покушение на императора?

– Точно так, господин подполковник.

– А ты не врешь?

– Николай Николаевич, прошу без оскорблений. Если вам не интересна данная информация, то я найду способ передать ее генералу Трепову. Он-то уж точно со всей серьезностью отнесется к такой угрозе. Правда, не думаю, что похвалит вас...

Кулябко хлопнул ладонью по столу:

– Так! Никаких губернаторов! Мы охранное отделение, и это наша работа. – Кулябко поднялся из кресла, прошелся по кабинету. – Подыщи нужную квартиру. Я мог бы дать тебе пару адресов, но это слишком рискованно, так что решай вопрос самостоятельно. Как найдешь, сообщишь адрес мне.

– Зачем? – спросил Богров. – Вы желаете выставить вокруг дома своих агентов? Не забывайте, на такое дело, как убийство императора, дилетантов не пошлют. А опытные револю-

ционеры мгновенно заметят слежку и скроются. Вот тогда меня несомненно убьют, а вы не будете знать, когда и где террористы нанесут смертельный удар. А в том, что они сделают это, сомневаться не приходится. Николай Яковлевич наверняка продумал несколько вариантов, как достать государя. Тем более что программа торжеств весьма обширна.

– И что предлагаешь ты?

– Я – ваши глаза и уши. Будучи непосредственно связан с террористами, я узнаю их планы и сообщу вам. Вот тогда ваши агенты получают возможность отличиться, а вы – повышение.

– Об этом слишком рано говорить. Ты уверен, что за тобой не следили, когда ты шел сюда?

– Думаю, слежки не было. Во-первых, я бы ее заметил, во-вторых, Муравьев не стал бы вводить меня в курс предстоящей акции, если бы не доверял.

– Ты прав, – проговорил начальник охранного отделения. – Уходить будешь как?

– Желательно, чтобы вы вывезли меня отсюда на своем автомобиле. Так будет спокойней и мне, и вам.

– Хорошо! Сейчас все организуем.

– С кем мне предстоит поддерживать связь для передачи информации? Не бежать же по каждому случаю сюда.

– Да, конечно. Ты Голтуна знаешь?

– Это Игната? Студента?

– Именно.

– Мы знакомы, но не более.

– Вот и познакомитесь поближе. Это не вызовет подозрений. Он молод, ты тоже. Ты закончил университет, он там учится. Первая встреча сегодня с семи до девяти вечера недалеко от того места, где проживают твои родители.

– На Бибиковском бульваре?

– Ты имеешь что-то против? Скажем, харчевня на перекрестке – вполне подходящее место для дружеской беседы двух молодых людей.

– Хорошо. Сегодня мы встретимся в харчевне, но в дальнейшем место позвольте определять мне, исходя из того, как будут развиваться события.

– Договорились. Но смотри, господин Аленский, без выкрутасов! Если что, с меня снимут погоны, а вот с тебя – голову. Мой тебе совет, помни об этом.

– Я помню, господин подполковник.

Кулябко приказал вывезти агента в город и тут же связался по телефону с генерал-губернатором:

– Здравия желаю, ваше превосходительство!

– Здравствуй, Николай Николаевич. Надеюсь, ты не по пустому поводу беспокоишь меня?

– Как можно в такое время, когда работы по подготовке торжеств неувпоровот, Федор Федорович?

– Это верно, неувпоровот, поэтому у меня почти нет времени. Но я слушаю тебя, Николай Николаевич.

– Тут, Федор Федорович, дело такое, что надо бы встретиться.

– Даже так? Встретиться, конечно, можно, вопрос в том, когда именно. В семь вечера тебя устроит?

– Вполне.

– Тогда приезжай ко мне домой.

– А удобно ли?

– Раз приглашаю, значит, удобно.

– Буду.

Кулябко положил трубку и задумался. Что предпримет генерал-губернатор, узнав о намеряющемся покушении? Сообщит об этом в Петербург. Это понятно. Но вот как он представит угрозу? Пока известно, что в Киев едут два террориста с целью убить императора во время празднований. Одного из них зовут-величают Николаем Яковлевичем.

Подобные донесения приходят в Министерство внутренних дел каждый раз, когда император с семьей собирается принять участие в каких-либо публичных мероприятиях. По большей части эти сообщения недостоверны.

Скорей всего, в Петербурге скептически отнесутся к предупреждению Трепова. Уж отменить празднества из-за доноса секретного агента охраны не станут точно. Значит, государь со свитой прибудет в Киев.

Если правильно все организовать, то у Кулябко появится отличный шанс серьезно укрепить свое положение. Шутка ли сказать, предотвратить покушение на императора!

Вот Павел Григорьевич Курилов тоже был начальником охранного отделения, полковником, а ныне кто? Генерал-лейтенант, товарищ министра, заведующий полицией и командир отдельного корпуса жандармов. Это высокая должность, обеспечивающая немалые привилегии.

Но надо сделать так, чтобы это покушение состоялось. Пусть злоумышленники совершат попытку. Богров уверен, что так и будет. Но он не сомневался и в том, что террористы попробуют убить генерал-губернатора.

С другой стороны, даже если Богров сознательно дезинформировал охранное отделение в целях повышения собственной значимости, то дважды он этого делать не станет. Такая наглость чревата изрядными неприятностями. Следовательно, можно с большой долей уверенности предположить, что на сей раз Богров-Аленский говорил правду.

Что ж, поговорим с губернатором, убедим его в том, что охранное отделение Киева в состоянии защитить государя, а дальше посмотрим, что начнет выдавать Богров. Если он сумеет раскрыть замысел террористов – отлично, мы обезвредим их на глазах у царя. Если не сможем, то решение вопроса безопасности императора отойдет к его личной охране.

Кулябко в любом случае в стороне не останется. Не получит большого повышения, ну и ладно. Ему и полковника хватит. Не забудут. Ведь именно его секретный агент сообщил о готовящемся покушении.

Кулябко откинулся на мягкое сиденье дивана и проговорил себе под нос:

– Да, так и поступим.

Ровно в семь вечера начальник охранного отделения вошел в кабинет дома генерал-губернатора.

Трепов выглядел уставшим. Он успел переодеться в домашний халат.

– Проходи, Николай Николаевич, сейчас чай принесут. Ты какой предпочитаешь?

– Да обычный.

– А я с травами. Чтобы аромата побольше.

Служанка внесла поднос с чашками и чайником, выставила все на небольшой резной столик, разлила ароматный напиток по чашкам и тихо удалилась.

– Ну и что у тебя стряслось, Николай Николаевич? – спросил Трепов, прихлебывая из чашки обжигающий напиток.

– Не у меня, а у всех нас. Пока еще не стряслось, но может. Да такое, от чего волосы на голове встают дыбом.

Генерал-губернатор отставил чашку.

– Ты заинтриговал меня. Давай-ка все подробно!

Кулябко доложил Трепову то, что узнал от Богрова.

Трепов хмуро выслушал его и резко поднялся.

– Этого нам еще не хватало! А ты уверен, что твой агент передал достоверную информацию?

– В таких случаях быть полностью уверенным нельзя, но я думаю, что агент не соврал.

– Значит, он должен снять квартиру для террористов?

– Так точно!

– Прекрасно. Он же сообщит тебе адрес этой квартиры, так?

– Так точно.

– Он же и встретит террористов.

– Следуя логике, да.

– Ну и о чем ты думаешь? Как только агент доложит о том, что террористы в квартире, ты пошлешь туда своих орлов. Они возьмут этих мерзавцев либо прибьют их. Тогда угроза будет снята. Только не говори мне, что этим мы подставим секретного агента. Плевать на него. Таких ты десятками наберешь. Плати, и недостатка в них не будет.

Кулябко вздохнул:

– Я бы так и поступил, если бы не одно «но».

– Что за «но»? – недовольно спросил генерал-губернатор.

– Террористы, тем более ставящие перед собой целью убийство императора, в известном смысле профессионалы. Вряд ли они не подумают о страховке.

– О чем ты, Николай Николаевич?

– О том, Федор Федорович, что у нас нет никакой гарантии, что на конспиративную квартиру придут именно те люди, которые и направлены для убийства императора. А если это будут подставные лица? Мы возьмем их, они начнут нам сказки рассказывать, а в это время настоящие террористы воплотят свой изуверский план. Как вам такой сценарий? Или, что еще более вероятно, подставные лица будут использованы в самом начале для проверки агента и квартиры. Впрочем, для нас это ничего не меняет. Мы возьмем мелочь, крупная же рыба минует сеть. Да и что мы сможем предъявить даже той же мелочи? Приезжать в Киев никому не запрещено.

– Вы правы. Сейчас поднимать шум не стоит. Посмотрим, что будет дальше.

Столыпин приехал в Киев 25 августа, за несколько дней до прибытия царской семьи, и остановился в доме генерал-губернатора. 28-го числа появился министр финансов.

Следующим утром Коковцев отправился к Столыпину и застал его в плохом настроении.

– Уж не приболели ли вы, Петр Аркадьевич?

– Слава богу, нет, Владимир Николаевич, со здоровьем все в порядке.

– Отчего же тогда плохое настроение?

– А у вас оно всегда хорошее?

– Нет, но праздник на носу.

– А не кажется ли вам, Владимир Николаевич, что мы с вами лишние на этом празднике?

По-моему, здесь прекрасно обошлись бы и без нас.

– Вы устали, Петр Аркадьевич.

– Это мне говорят постоянно. И что прикажете делать? Уйти в отставку? Так государь не отпускает.

В гостиную вошел адъютант Столыпина штабс-капитан Есаулов.

Премьер-министр обратился к нему попросту:

– Что у тебя, Володя?

– Доставлены расписания церемоний и празднеств.

– Положи их на стол.

– Один вопрос, ваше высокопревосходительство.

– Да.

– Разрешите позже зайти к вам?

Столыпин впервые за это утро улыбнулся:

– Конечно. Почему ты спрашиваешь?

– Так положено.

– Ох уж эти мне военные штучки! «Положено», «не положено», «так точно», «никак нет». Я буду здесь.

Разговор с Коковцевым не затянулся. Министру финансов надо было посетить еще некоторых важных лиц. Он обещал навеститься, как только будет время, и уехал.

Сразу же вернулся адъютант председателя Совета министров:

– Разрешите?

– Володя, оставим этот ненужный формализм. О чем ты хотел поговорить со мной?

– О вашей личной охране, которой как таковой нет.

– У меня есть ты. Или ты считаешь, что меня должна охранять как минимум полусотня казаков?

– У вас и на меня надежды мало. Мне в губернаторском доме места не нашлось.

– Но здесь мне ничего не угрожает.

– Вы так считаете? Возможно, но элементарная охрана у председателя правительства должна быть. А парадное губернаторского дома не охраняется.

– Я видел там двух жандармов, – возразил адъютанту глава правительства.

Штабс-капитан кивнул:

– И я видел, более того, разговаривал с ними. Они не имеют никаких инструкций в отношении вас. Их задача – охранять господина Трепова. Если бы я хотел вас убить, поверьте, это не составило бы труда. Убрать жандармов, и путь к вам открыт.

Столыпин вновь улыбнулся:

– Но ты ведь не собираешься убивать меня?

– Я нет, но другие могут попытаться сделать это. В Киеве всякого сброда полно. Извините, но мне пришлось от вашего имени прекратить допуск в дом кого попало, без дознания, кто и зачем прибыл.

– Ты уже от моего имени распоряжения отдаешь?

– Но кто-то должен заботиться о вашей безопасности.

– Что еще ты сделал ради обеспечения моей безопасности, Володя? Это чтобы я был в курсе.

– Это все.

– Ну и слава богу. Эх, Володя, если меня убьют, то как раз люди из охраны.

– Почему вы так говорите, Петр Аркадьевич?

– А кто имеет прямой доступ к потенциальной жертве? Перед кем нет барьера для совершения преступления? Охрана, имеющая оружие. – Столыпин поднялся, подошел к адъютанту. – Так что, Володя, я, конечно, благодарен тебе за заботу, но адъютант – это не телохранитель. У тебя есть свои обязанности, ими и занимайся.

– Слушаюсь! – ответил штабс-капитан и вышел.

29 августа в Киев прибыл император с семьей, приближенными и зарубежными гостями.

После торжественной встречи государя начальник Киевского охранного отделения Кулябко получил сообщение от Богрова о том, что квартира для террористов снята. Адрес агент не назвал.

Кулябко попытался связаться с Треповым, но тот переадресовал его к генералу Курлову, который отвечал за безопасность государя и оказался занят. Кулябко пришлось принимать решение самостоятельно. Через Голтуна он приказал Богрову сообщить, когда приедут террористы. Знал бы начальник киевской охранки, как смеялся Богров, получив подобное распоряжение.

Между тем в Киеве 30 августа начались торжества. Царская семья, свита, включая Столыпина, зарубежные гости, в том числе наследник болгарского престола Борис, посетили киевские святыни – Софийский собор и Печерскую лавру. После чего государь принимал многочисленные делегации.

31 августа состоялся военный смотр, а на вечер был назначен концерт в саду на берегу Днепра. Все праздновали, и лишь Кулябко не находил себе места. Вторые сутки он ждал донесения Богрова, но тот молчал, не выходил на связь и с Голтуном.

Начальник охраны вновь почувствовал тревогу. Он уже намеревался отправиться прямо к генералу Курлову, как неожиданно в отделение заявился сам Богров.

Кулябко встретил агента в коридоре и замер от неожиданности:

– Ты здесь? Почему? Хотя не будем говорить в коридоре, идем в кабинет. – Там Кулябко буквально набросился на Богрова: – Что означает твое молчание в эти дни и почему ты рискнул прийти сюда? Не встретил террористов?

Богров изобразил усталость, вздохнул, потом улыбнулся и ответил:

– Встретил, разместил и кое-что интересное узнал.

– Ну? Не тяни, что узнал?

– Во-первых, вчера из Петербурга приехали, как и ожидалось, двое. Николай Яковлевич с помощником, молодым человеком по имени Алексей. Имена, конечно, вымышленные. Кто они на самом деле, не знаю. Во-вторых, вечером на квартиру заявила девица...

– Кто? Откуда? Зачем?

– Николай Николаевич, позвольте по порядку?

– Ладно, давай по порядку.

– Так вот, вечером заявила девица, некто Нина Александровна. Имя и отчество тоже, уверен, вымышленные. Она привезла бомбу.

– Бомбу? – Кулябко вытаращил глаза.

– Да. Я сам ее видел. Приличный сверток. Думаю, бед наделать может много.

– Дальше!

– Девица оставила бомбу, о чем-то поговорила с Николаем Яковлевичем и уехала. Куда, простите, узнать не удалось.

– Что в-третьих? – спросил Кулябко, хотя было достаточно и первых двух пунктов.

Богров продолжил:

– В-третьих, я краем уха слышал ночной разговор Николая Яковлевича и Алексея. Из него можно сделать вывод, что террористы задумали убить не только императора, но и Столыпина.

– Того не легче, – проговорил начальник охраны.

– Однако за точность ручаться не могу. Я слышал, что террористы упоминали Столыпина, мол, и ему пора на отдых. Означает ли это убийство? Я считаю, что да.

– Он считает! – воскликнул Кулябко и тут же рубанул рукой по воздуху: – Все! Ждать нельзя, надо немедленно брать этих гостей.

– Как же! – Богров усмехнулся: – Возьмете, но не на квартире.

– Почему?

– Потому что утром Николай Яковлевич, его помощник покинули квартиру. Когда вернутся и появятся ли вообще, неизвестно.

– Черт бы тебя побрал, Богров, надо было раньше сообщить адрес. Нет, захотел все выведать сам. Теперь вся работа псу под хвост. Чего ты лыбишься?

Богров явно переигрывал начальника охраны.

– Да успокойтесь вы, господин подполковник, главное я все же узнал.

– Так чего молчишь?

– Вы не даете сказать, кричите, ругаетесь. Где же ваша холодная голова?

- Выкладывай, что узнал!
- Покушение на императора и Столыпина, если он тоже приговорен судом революционного трибунала, что еще не факт, должно произойти в городском театре во время спектакля. Кулябко подозрительно посмотрел на Богрова:
- Это точно?
- Я передаю вам, что слышал в разговоре Николая Яковлевича с помощником.
- Но в театр невозможно попасть постороннему человеку. Для этого нужен специальный пригласительный билет. Немногие жители города удостоились этой чести, а тут террорист?! И потом, идти в театр с бомбой – полнейший абсурд. Это все равно что самому отправиться на эшафот. Пронести адскую машину не получится ни у кого.
- Значит, ее, я имею в виду бомбу, Николай Яковлевич решил приберечь для другого случая. Спектаклем праздник не ограничится.
- А разве не сам этот Николай Яковлевич намерен совершить покушение?
- Нет. На это у него есть помощник. В театре будет Алексей. Там уже устроен тайник, где лежит револьвер.
- Тайник? Где?
- Николай Николаевич, вы слишком многого от меня хотите. Где-то в зале, в партере. А может, в туалетных комнатах. Да где угодно, в конце концов.
- И что ты прикажешь мне делать?
- Богров поднял ладони:
- Что вы, Николай Николаевич, как я могу вам приказывать?
- Не ерничай. Что предлагаешь?
- Я бы на вашем месте предупредил Столыпина, чтобы он меньше бывал на людях, особенно по вечерам и в публичных местах. Если императора надежно защищают и его действия расписаны протоколом, то председатель Совета министров здесь, в Киеве, как это ни удивительно, практически предоставлен самому себе. У него нет охраны, и протоколом он не ограничен. Алексея, Николая Яковлевича и Нину Александровну в лицо знаю только я. Следовательно, и обезвредить убийцу смогу лишь я.
- Ты?
- Если не обезвредить, то хотя бы подать знак охране. Поэтому мне необходимо быть на спектакле, причем с оружием.
- Зачем оружие?
- Богров вздохнул:
- Как же все-таки тяжело с вами работать, Николай Николаевич. Представьте, я увижу террориста в тот момент, когда он выхватит револьвер. Зал большой, заполненный публикой. И что тогда? Звать на помощь будет поздно. Придется стрелять.
- И ты выстрелишь?
- Вы сомневаетесь?
- Не нравится мне все это.
- Тогда я сообщаю вам адрес съемной квартиры, даю описание террористов и умываю руки. Дальше сами решайте, что делать. Только помните, угроза очень серьезная. Малейшая ошибка со стороны полиции, и произойдет непоправимое. Для вас в том числе.
- Я не могу выдать тебе билет в театр. На это нужно разрешение генерала Курлова.
- Кулябко не лгал, но и не говорил всей правды. Он мог выдать билеты в исключительных случаях. Товарищ министра внутренних дел не желал заниматься такой мелкой работой и передал эти полномочия начальнику охраны. Просто в сложившейся ситуации брать на себя такой груз ответственности Кулябко тоже не хотел.
- Для вас затруднительно получить разрешение генерала Курлова? – спросил Богров.
- Я попытаюсь это сделать.

– Не забудьте об оружии.

– В театре наличие револьверов проверять не будут. А что ты так спокоен? Уж не играешь ли со мной?

– Разве этим играют, господин подполковник? Я не самоубийца. А за спокойствием скрываю, возможно, гораздо большее волнение, нежели ваше. Ведь мне идти в театр, обезвреживать террориста, а потом скрываться от беспощадной мести.

– Уж в этом-то мы тебе поможем, – заверил его немного успокоившийся Кулябко. – Предотвратишь покушение, государь защитит тебя.

– Я хотел бы уехать в Париж.

– Будет тебе Париж. А сейчас выйди, я свяжусь с Курловым. Решу вопрос – позову!

– Слушаюсь, господин подполковник!

Кулябко не надеялся, что быстро дозвонится до товарища министра, все же плотный график, забот куча, однако секретарь Курлова соединил его с шефом без промедления.

Начальник охраны услышал немного грубоватый голос:

– Здравствуй, Николай Николаевич, что у тебя?

– Добрый день, ваше превосходительство. Тут такое дело... – Кулябко изложил суть проблемы.

Курлов выслушал его и протянул:

– Это несерьезно, Николай Николаевич. Ты уполномочен и сам решать подобные вопросы. В общем, на твое усмотрение. Надо – выдай билет, есть сомнения – откажи, возьми описание террориста, охрана вычислит его при входе в театр. А нет, так перенесем представление. И попрошу больше подобными мелочами меня не беспокоить.

– Покушение на императора и Столыпина – мелочь?

– Слушай, а не набиваешь ли ты себе цену? Придумал какой-то заговор, чтобы выставить себя напоказ. Мол, вот какой я деятельный, бдительный служака. У меня агенты знают то, что не известно в Министерстве внутренних дел. Нет, я ничего не имею против твоего рвения, сам когда-то был в твоей шкуре и мечтал о повышении. Но давай, делай карьеру без меня. Все! Извини. Тебе в театре быть обязательно. Если допустишь на спектакль агента, то должен будешь контролировать его. До свидания.

Кулябко подумал и позвонил Митрофану Николаевичу Веригину, чиновнику особых поручений МВД, который сопровождал Курлова, но тот не ответил. Беспокоить же полковника Спиридовича, начальника дворцовой охранной агентуры, Кулябко не стал. В его памяти еще свеж был скандал, устроенный полковником во время приезда Кулябко с женой в Санкт-Петербург. И все из-за капризов его дражайшей половины. Она приходилась сестрой супруге Кулябко. С губернатором связываться бесполезно, он сейчас в свите государя.

Пришлось принимать решение самостоятельно.

Он вызвал Богрова.

– В общем, так, билет я тебе выдам, в театр ты попадешь. Там же буду и я. Увидишь террориста – как-то, но подай мне знак. Я тоже должен держать его в поле зрения. Все понял?

– Понял, господин полковник.

– Подполковник, – поправил Богрова Кулябко.

– Можно считать, уже полковник. – Агент улыбнулся: – За задержание или убийство террориста, планировавшего покушение на императора и Столыпина, вам не только звание присвоят.

– Не будем делить шкуру неубитого медведя. Обо всех изменениях в обстановке до прихода в театр доклад через Голтуна. Кстати, где он сейчас?

– Понятия не имею. Наверное, ждет у конспиративной квартиры.

– Ты все понял, Богров?

– Так точно, господин полковник!

Богров уехал на съемную квартиру. Связной Голтун действительно ждал его у дома.

– Господин Аленский, что значит ваше исчезновение? – спросил он.

Богров презрительно посмотрел на него:

– Мал ты еще для того, чтобы я отчитывался перед тобой.

– Я доложу о вашем поведении подполковнику.

– Сколько угодно. Я как раз только от него. Докладывай – и получишь нагоняй за то, что упустил меня.

Студент как-то сразу поник:

– Зачем вы так?

– Ладно, Игнат, не обижайся. Передаю тебе приказ Кулябко. Ты должен находиться рядом со мной и передавать ему то, что я буду сообщать тебе. Все очень просто. Больше я не стану скрываться от тебя. Мне экстренно понадобилась встреча с Кулябко без свидетелей. Так что извини. Находишься в ближайшей закусочной.

– И как долго?

– Сколько надо, столько и находишься.

– Светиться в одном месте?

– Ты не вызовешь подозрений. Там твоего брата студента всегда полно. Глядишь, познакомишься с какой-нибудь красавицей.

– У нас такое серьезное дело, а вы!..

– Еще вопросы есть?

– Как я могу узнать, что вы будете находиться в квартире?

– Можешь иногда звонить мне. Телефон есть в той же забегаловке. Номер помнишь?

– Помню.

– Вот и отлично. Служи! – Богров поднялся в квартиру.

Связной ушел в закусочную, посетителями которой действительно были в основном студенты. Они активно и шумно обсуждали приезд в Киев императора и его семьи.

Голтун устроился в самом углу малого зала, заказал чаю со сдобной булочкой. Насчет телефона Аленский наврал. Его здесь не было. Но не бежать же искать аппарат, чтобы позвонить начальнику охраны и тем самым нажить неприятности. Сказано «сиди», значит, будет сидеть. Его дело, в конце концов, маленькое. Он всего лишь связной и не обязан следить за Аленским.

Кулябко прислушался к совету Богрова и вечером позвонил в губернаторский дом, где остановился председатель Совета министров.

Ответил адъютант Столыпина:

– Штабс-капитан Есаулов, слушаю вас.

– Начальник охранного отделения подполковник Кулябко. Я могу переговорить с господином Столыпиным? У меня к нему важное сообщение.

– К сожалению, сейчас это невозможно. Передайте сообщение мне, я доведу его до сведения Петра Аркадьевича.

– Из агентурных источников мне стало известно, что на господина Столыпина готовят покушение эсеры.

– Интересно. Вы не можете остановить их?

– Дело в том, что имеющаяся у меня информация слишком скудна для того, чтобы немедленно действовать. Мне известно, что в Киев приехала некая особа, называющая себя Ниной Александровной. Она привезла бомбу. По данным моего агента, адская машина передана в другие руки, что не меняет дела. Эта бомба предназначена, как это ни кощунственно звучит, Петру Аркадьевичу. Возможно, мы и арестуем террористов в ближайшее время, но до этого я попросил бы вас сообщить господину Столыпину, чтобы он не выходил на улицу. Я постараюсь предупредить об опасности губернатора.

– Петр Аркадьевич должен присутствовать на праздничных мероприятиях. Ваша просьба невыполнима.

– Но тогда хоть усиьте охрану.

– У вас есть свободные люди?

– Нет.

– Вот и у нас нет. Я слово в слово передам премьер-министру наш разговор. Окончательное решение будет принимать он. За предупреждение спасибо. Желаю вам как можно быстрее поймать злодеев. У вас все?

– Да.

– Еще раз благодарю, до свидания.

Окончив разговор с адъютантом Столыпина, Кулябко попробовал дозвониться до губернатора, и это ему удалось. Трепов как раз заехал домой.

– Слушаю тебя, Николай Николаевич.

Кулябко обрисовал ему ситуацию.

– Так-так-так, – проговорил Трепов. – Что ты предпринимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.